

Вологодский ЛИТЕРАТОР

№ 5-6(11-12), декабрь 2015 Издание Вологодского регионального отделения общероссийской общественной организации «Союз писателей России»

ЗОЛОТОЕ СЛОВО

Карл V, римский император, говаривал, что испанским языком прилично говорить с Богом, французским — с друзьями, немецким — с неприятелем, итальянским — с женским полом. Но если бы он русский знал язык, то, конечно, к тому бы добавил, что им со всеми говорить пристойно, т.к. нашёл бы в нём и великолепие испанского, и живость французского, и крепость немецкого, и нежность итальянского, и богатство, и сильную изобразительность латинского и греческого языка.

М. В. Ломоносов

Величайшее богатство народа — его язык! Тысячелетиями накапливаются и вечно живут в слове несметные сокровища человеческой мысли и опыта.

М. А. Шолохов

Если ты хочешь судьбу переспорить,
Если ты ищешь отрады цветник,
Если нуждаешься в твердой опоре, —
Выучи русский язык!

Он твой наставник великий, могучий,
Он переводчик, он проводник.
Если штурмуешь познания кручи —
Выучи русский язык!

Горького зоркость, бескрайность

Толстого,

Пушкинской лирики чистый родник
Блещут зеркальностью русского слова.
Выучи русский язык!

Сабир Абдулла

ЛЕТЯТ ПЕРЕЛЕТНЫЕ ПТИЦЫ

Летят перелетные птицы
В осенней дали голубой,
Летят они в жаркие страны,
А я остаюсь с тобой,
А я остаюсь с тобою,
Родная навеки страна!
Не нужен мне берег турецкий,
И Африка мне не нужна.
Немало я стран перевидал,
Шагая с винтовкой в руке.
И не было горше печали,
Чем жить от тебя вдалеке.
Немало я дум передумал
С друзьями в далеком краю.
И не было большего долга,
Чем выполнить волю твою.

Пускай утопал я в болотах,
Пускай замерзал я на льду,
Но если ты скажешь мне снова,
Я снова все это пройду.
Желанья твои и надежды
Связал я навеки с тобой —
С твоею суровой и ясной,
С твоею завидной судьбой.
Летят перелетные птицы
Ушедшее лето искать.
Летят они в жаркие страны,
А я не хочу улетать,
А я остаюсь с тобою,
Родная моя сторона!
Не нужно мне солнце чужое,
Чужая земля не нужна.

1948, Внуково

ЛИТЕРАТУРНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Администрация г. Вологды приняла в дар от Вологодского регионального отделения Союза писателей России альманах «Литературная Вологда – 2015»

ТОРЖЕСТВЕННАЯ передача литературно-художественного альманаха состоялась 10 декабря 2015 года в Беловском центре города Вологды.

На встрече с учителями и библиотекарями города Вологды, в которой принимали участие начальник департамента гуманитарной политики Администрации города Николай Колыгин и заместитель начальника управления культуры и охраны историко-культурного наследия Александр Кочешков, Вологодская писательская организация представила альманах «Литературная Вологда – 2015», изданный на пожертвования читателей. Главный редактор-составитель альманаха Александр Цыганов рассказал о работе над изданием и об авторах альманаха. Члены редколлегии этой книги Роберт Балакшин, Михаил Карачёв, а также присутствовавшие на встрече авторы альманаха Олег Ларионов и Инга Чурбанова размышляли о современной вологодской литературе, её ценностных ориентирах.

Вологодская писательская организация передала в дар школам и библиотекам города 300 экземпляров альманаха. Вологодские писатели вручили литературно-художественное издание на подведении итогов Года литературы в новом здании Центра Василия Белова на улице Щетинина. Альманах поступил во все 20 филиалов Централизованной библиотечной системы, а также в библиотеки 42 городских школ. В среднем, в каждое учреждение было направлено по 5 экземпляров книги.

Заместитель Главы г. Вологды Николай Колыгин отметил важность этого события в Год литературы, поблагодарил писательскую организацию и выразил желание, чтобы альманах «Литературная Вологда – 2015» был «зачитан до дыр».

На официальном представлении альманаха, которое состоялось в дни проведения Вторых Беловских чтений, Николай Колыгин говорил:

«Это единственный литературный альманах, который вписан в программу Беловских чтений. Поэтому есть предложение «оживить» книгу и провести в школах ряд встреч с писателями, чьи произведения

На фото: Александр Кочешков, Николай Колыгин, Михаил Карачёв, Александр Цыганов, Роберт Балакшин.

опубликованы в «Литературной Вологде».

В ближайшее время эти встречи с авторами альманаха пройдут в школах и библиотеках города.

Тираж издания составил 1000 экземпляров, его объем превышает 400 страниц и включает 16-страничный фотоблок, а также краткие биографические сведения об авторах альманаха.

По приглашению Архангельской писательской организации председатель правления Вологодской писательской организации Михаил Карачёв принял участие в межрегиональном литературном фестивале «Солонихинские зори» в качестве руководителя поэтического семинара.

В Вологде прошли Вторые Беловские чтения, одним из организаторов и участником которых была Вологодская писательская организация. В рамках мероприятий Беловских чтений в Вологде состоялось торжественное открытие музея-квартиры Василия Ивановича Белова. Вологодские и московские писатели встретились со студентами Вологодского

государственного университета. Завершились Беловские чтения поездкой на могилу Василия Ивановича Белова и посещением дома писателя в Тимонихе.

В Москве прошел пленум Союза писателей России, на котором председатель правления Вологодской писательской организации Михаил Карачёв рассказал о предложениях и деятельности писательской организации по увековечению памяти В.И. Белова. М. Карачёв был участником 19-го Всемирного русского народного собрания «Наследие князя Владимира и судьбы исторической Руси».

В Кичменгском Городке Виктор Барраков, Михаил Карачёв и Александр Цыганов приняли участие во Вторых Жаравинских чтениях, а также провели семинар для районного литературного объединения. На встрече с читателями вологодские писатели представили альманах «Литературная Вологда – 2015».

Михаил Карачёв и Роберт Балакшин встретились с читателями Великого

Устюга. В актовом зале Великоустюгского гуманитарно-педагогического колледжа они приняли участие в литературной встрече, на которой великоустюгские авторы Т. Ядрихинская и О. Кульневская представили свои новые книги. Вологодские писатели познакомили читателей с альманахом «Литературная Вологда – 2015», рассказали о главных литературных событиях года.

В Харовской центральной библиотеке прошел день памяти В.И. Белова. Участие в мероприятии приняли губернатор области Олег Кувшинников, вдова писателя Ольга Белова, Глава Харовского района Сергей Попов, начальник департамента культуры области Владимир Осиповский, председатель правления Вологодской писательской организации Михаил Карачёв.

За большой вклад в развитие культуры, многолетнюю плодотворную работу поэту, члену Вологодского регионального отделения общероссийской общественной организации «Союз писателей России» Максиму Юрию Михайловичу объявлена Благодарность министра культуры Российской Федерации.

Прославляют родной регион

Именные творческие стипендии получают 25 орловских писателей. Глава правительства Орловской области Вадим Потомский подписал распоряжение о присуждении именных творческих стипендий на 2016 год 25 орловским писателям, членам регионального отделения Союза писателей.

С начала 2016 года писатели, указанные в списке стипендиатов, будут получать по 10 тысяч рублей в месяц. Глава правительства Орловской области считает, что подобные стипендии — большое подспорье для перспективных талантов, а также — помощь известным писателям, которые своим творчеством прославляют родной регион.

ЗАСТАВЛЯЕТ ЗАДУМАТЬСЯ О ЖИЗНИ

В адрес Вологодского регионального отделения Союза писателей России поступило немало откликов на альманах «Литературная Вологда – 2015», изданный Вологодской писательской организацией. «ВЛ» публикует отзыв, присланный завучем средней общеобразовательной школы № 36 г. Вологды Ириной Офицеровой, а также рецензию доктора филологических наук, профессора Л.Г. Яцкевич на рассказы одного из авторов этого издания Александра Цыганова.

Ирина ОФИЦЕРОВА: «Вологодский альманах» дает возможность составить представление о современной вологодской литературе и увидеть атмосферу Вологды, созвучную темам, которые поднимают в своих произведениях вологодские писатели и поэты. Тематика произведений разнообразна: о жизни, о любви, о природе, о Вологодском крае, о русском быте, о чеченской войне. Во всех произведениях просматривается свой

неповторимый стиль, свой слог, каждый автор использует только ему присущие художественные средства и обороты речи. Все произведения проникнуты любовью к человеку, к его душевным качествам, к жизни, многие заставляют задуматься о смысле бытия. Данное издание может быть использовано в качестве хрестоматии в курсе изучения «Литература Вологодского края» в образовательных учреждениях области.

НАШИ РЕЦЕНЗИИ

ТЕРПЕНИЕ – ДОМ ДУШИ

(О трех рассказах А.А. Цыганова)

*Мы учились не этому зрению
А достоинству, воле, борьбе,
И совсем не учились терпению –
Слишком сложно – и мне, и тебе.*
Николай Дегтерёв

ПРАВ вологодский поэт Николай Дегтерёв: многие из нас, современных людей, мало учились терпению.

Терпению ведь учит глубокая вера в Бога, в Его Благой Промысел, поэтому святые люди – самые терпеливые. Терпению учит тяжелый труд, поэтому русские крестьяне были самыми терпеливыми. Терпению учит материнство – поэтому настоящие матери самые терпеливые женщины. Терпению учит воинский долг, поэтому верные присяге солдаты должны быть самыми терпеливыми воинами. Терпению учит любовь. Как сказал апостол Павел, «любовь долготерпит, ... все переносит». Кто прошел одно из таких испытаний, тот претерпел до конца. А, по Евангелию, «претерпевший до конца – спасется».

Что же такое терпение? Святитель Игнатий Брянчанинов так кратко определил его: «Терпение – дом души, смирение – её пища». Значит, нетерпеливая душа – бездомна, а лишенная смиренная – всегда голодна. И одно с другим прочно связано. При этом можно иметь деревянный или кирпичный дом, или даже хоромы, а душа при этом все равно будет бездомна. Можно и есть сытно, и гордо повелевать другими людьми, а душа все равно будет голодна!

Размышления святителя Игнатия, изложенные в его богословских сочинениях, проистекают из его духовного опыта и христианской традиции. Писатели также приобретают духовную опытность, если их творческий дар обращен к правде жизни, к ее высшему смыслу.

Характеры и судьбы героев трех рассказов А.А. Цыганова, опубликованных в альманахе «Литературная Вологда – 2015», с художественной очевидностью показывают нам, как человек, благодаря терпению, достигает духовной силы. И с другой стороны, писатель раскрывает гибельность нетерпения. Героиня рассказа «Ночью месяц пёк» – бесстрашная терпеливая хранительница родного дома, которая «с ангельской жертвенностью была готова беззаветно стеречь свой кров от каких бы то ни было несчастий столько дней и ночей, насколько жизненных сил ей было отмерено свыше».

Образ старой русской крестьянки предельно конкретен, хорошо узнаваем, то есть типичен для вологодской деревни. Не случайно в рассказе постоянно употребляются местные вологодские

слова (месяц пёк, кирилловская трехрядка, отводок, дювья, баской) и топонимы родного для А.А. Цыганова Кирилловского района (Славянка, Иткольское). Вместе с тем, это символический образ, ведь автор даже не дал своей героине имени, называя ее или она, или одинокая женщина в белом одеянии. Как это и характерно для символа, образ этой героини построен многопланово. Пространственный крупный план – это описанная в мелких бытовых подробностях обветшавшая изба старой женщины, заросшая усадьба. В дальнем плане просматривается северная деревня с заброшенными домами, из которой ушли все люди, кроме этой одинокой хранительницы родного крова. А дальше воображение рисует всю деревенскую Россию...

Временной крупный план изображает подробно все события тревожной ночи, которая могла быть последней для героини, а значит, и для ее дома, и для всей этой деревни... А потом, может, и для всей крестьянской Руси! Такая мысль формирует дальний временной план изображаемых событий.

Однако, кроме тревожного настоящего и предполагаемого гибельного будущего, в сюжете этого рассказа есть прошлое, картины и события которого проливают свет на происходящее и помогают его осмыслить в духовно-нравственном ключе. Автор не ищет виновных, не берется решать социально-политические вопросы, хотя они невольно всплывают в сознании читателя и вызывают горечь. Автор просто изображает, как шла жизнь в северной русской деревне последние послевоенные полвека, и беспощадно правдиво показывает тьму и свет крестьянского мира.

Как-то в молодости, в самом начале 80-х, мне пришлось вступить в спор с преподавателем научного коммунизма, который, в подтверждение своей беспощадной критики общинного духа русской деревни, привел авторитетные для него слова Максима Горького о «свинцовых мерзостях деревенской жизни». Мне стало обидно за моих близких, деревенских жителей, которые меня многому научили и, главное, в детстве согрели мое сердце теплом родной земли. Но разумных доводов в этом диспуте я тогда так и не смогла привести.

Да и вряд ли можно рассказать о сокровенном русской деревни чужому человеку!.. А вот писатель А.А. Цыганов сумел рассказать об этом, доверчиво надеясь, что его читатель – свой, родной человек, который поймет его. Только все ли его услышат? Ведь чтобы понять крестьянскую жизнь, нужно терпеливо

прожить ее или с любовью прикоснуться к ней. Для этого нужно быть христианином (напомним: имя крестьянин произошло от слова христианин). Именно такой христианкой была главная героиня рассказа «Ночью месяц пёк». Ее терпение и молитва победило послевоенное ожесточение и дикость мужа, и он стал хозяином – так его постоянно называет автор в рассказе. Она победила своим мужеством и духовной силой ночных поджигателей, посланных чужими людьми уничтожить ее дом. Она твердо верит, что Господь ей поможет, и поэтому неустанно молится.

Жизнь русской деревни в XX веке была и страшной, и светлой, потому что она стояла на самой передовой линии духовной смуты. Крестьяне дольше городских жителей хранили в душах веру православную, трудолюбие и терпение, но когда начали их терять, тогда-то и наступили темные времена разорения северной деревни под натиском чужой беспощадной воли. Героиня рассказа – последняя хранительница этого истока Руси. Вот это самое страшное. Но не верится, что это последний рубеж. Если народ сохранит дом своей души – терпение, то тем самым сохранит и Россию – наш общий дом. А пока с каждым днем деревня сиротеет все более и более.

Второй рассказ посвящен этой теме – трагическому сиротству и бездомности современной северной деревни. Называется он очень странно – «Ерпыль». Это местное деревенское слово с очень древним корнем вряд ли известно городским читателям. В самом конце повествования о горькой судьбе нетерпеливого блудного сына автор дает ему народную оценку: «ерпыль – так здесь издавна прозывали любую непоседливую натуру». Русский народ всегда ценил терпение и порицал нетерпеливых, что нашло свое выражение в его языке. В «Словаре русских народных говоров» отмечено, что у слов *терпение* и *терпеть*, кроме основных значений, есть и другие положительные оценочные значения: *терпеливый* – значит «пригодный, подходящий к чему-либо, для чего-либо», *терпеть* – значит «сохраняться, не портиться». Но *терпеть* еще значит и «страдать, мучиться», поэтому от этого слова образовались слова *терпеливец* и *терпеливица* – это «об очень терпеливом человеке». Для обозначения нетерпеливого человека в русских народных говорах есть много слов (*зуда*, *сулема* и др.), вот и *ерпыль* имеет однокоренные с ним слова *ерпеца*, *ерпеса*, *ерпесило*. Все они имеют пренебрежительную окраску. Трагизм бездомности героя, которого автор назвал *ерпыль*, потрясает. Если библейский блудный сын все-таки нашел силы вовремя вернуться в родной дом отца, то вологодский блудный сын спохватился слишком поздно. После многолетних скитаний по чужой стороне он возвращается в родную деревню, но она встречает его не теплом родного очага, а космическим холодом, стылой пустыней и снежной бурей. Героя охватывает тоска, ему страшно внимать вою ветра в этой пустыне: «перекрывая это вселенское неистовство, и совсем уже неведомо из какой и где уживаемой бездны нет-нет, да и пронзало оловянное пространство надмирным и сиротским плачем незримо малютки, вековечно и одиноко страдающего по обычному, никогда неизбывному участию, нашему теплу».

Терпение во имя высокого предназначения сопряжено всегда с выдержкой и мужеством. В славянском языке *терпеливый* значит и «сильный, могучий», и «мученический». Именно в таких значениях употребляется это слово в славянском переводе Библии. Именно об этих смыслах терпения повествует третий

рассказ А.А. Цыганова «Под сосною, под зеленою». Его герой, бывший разведчик, ныне одинокий, старый и, на первый взгляд, слабый человек, который «готов сидеть день-деньской» в кафе в окружении мужского общества, так как ему после смерти жены отчаянно одиноко «в своей пустой однокомнатной панельке». Он не пьет вина, обычно молчит, так как к нему здесь относятся насмешливо и называют «Слава-разведка». Вот и в этот день шумная компания ему кричит: «Слышь, разведка? Еще не всех врагов повязал? Колись, боец!» Однако именно этот человек в этот же день вечером мужественно защищает свое человеческое достоинство от приезжих жестоких бандитов, напавших на него недалеко от его дома на безлюдной окраине Вологды. Только терпение и выдержка помогли ему справиться с леденящим душу страхом. И в этот момент духовного возвышения на помощь ему приходит сам Господь: «Тогда-то, не покидая его, словно кто-то неведомый и оказался рядом, чтоб до последнего вместе держаться. И, как будто вживую, заодно добавил спокойствия и сил, чтоб в коленках не дрогнуло». Обстоятельства неравной схватки складываются так, что два бандита погибают: один, поскользнувшись, напоролся на собственный нож, а второй, в темноте и в состоянии бешенства, – на толстый сук сосны, под которой происходило нападение на старого разведчика. Третий бандит бросается на ослабевшего старика и пытается задушить его «славинской родительской тесемкой от нательного креста». «И тут все, что осталось в Славе, ходуним заходило: как-то это было совсем уж не по-русски – последний бой проигрывать»... И он побеждает, хотя и умирает в этом последнем бою: «И Слава-разведка, недвижимый, продолжал глядеть высоко вверх, словно отыскавший там, наконец, кого-то самого родного, безотрывно и манившего его отсюда, от этой одинокой сосны на голой зыбкой земле, – к себе, в долгожданный покой и отдых».

Скажу честно: если первые два рассказа А.А. Цыганова мне сразу запали в душу, то этот рассказ я не сразу смогла понять и принять. Первое впечатление было таким: все это невероятно, а картины жестокой схватки ужасны до тошноты. Мой знакомый филолог поделился своим мнением, дескать, все это смахивает на боевик с героем-суперменом. Но с такой оценкой я категорически не могла согласиться: что-то мешало, в душе появились какие-то сомнения. Я снова внимательно перечитала этот рассказ и вдруг обнаружила, что за его сюжетом стоит очень многое, что связывает главного героя с русской православной традицией. Главное – это его способность к терпеливому мужеству. В доказательство привожу мысли жившего в XVIII веке святителя Тихона Задонского о терпении, которое проявляет человек в тяжелых и опасных обстоятельствах: «Терпение мужественным и непобедимым делает человека. Может терпеливый лишен быти всего, ... может убиен быти, но победим быти не может. Ибо крепость его не телесная, но духовная есть: телом побеждается, но духом непобедим бывает, ... и тако над всеми своими врагами духом торжествует».

В заключение пропою вместе со святителем Тихоном Задонским гимн терпению: «О! блажени те дома, грады, веси, села и общества, в которых терпение обитает: оно бо более сохраняет общество, нежели оружие, более защищает град, нежели стены».

В рассказах А.А. Цыганова тоже звучит этот древний русский гимн.

Людмила ЯЦКЕВИЧ,
профессор,
доктор филологических наук

ПОЭЗИЯ. XXI ВЕК

* * *

В. Егорову

В забытом селении этом
В домах заржавели часы.
Там больше не плакали дети,
Там больше не лаяли псы.

Забитые спали калитки
В причудливых зарослях мхов,
И тихо скользили улитки
По влажным щекам лопухов.

Размытая ливнем дорога,
Забывшая Богом судьба.
Но, кем-то хранимая строго,
Дымила одна лишь изба.

* * *

Я знаю сад. И в непогоду
Дремучий сон его глубок.
Там создала себе природа
Печали тайный уголок.

Там, затаившись в темных кронах
Дубов, картава и кривая,
Мне пела старая ворона,
Куда нежнее соловья...

* * *

Живу я весело и просто,
От фонарей до фонарей,
Я прохожу, бывает, версты
По тесной комнате своей!

Здесь все моим хозяйским пылом
В особый строй заключено,
Целенаправленную силой
Сияют двери и окно!

И на привычные предметы,
Уже родные по крови,
Ложатся легкие приметы
Моей заботы и любви.

ЛЕТО В ВОЛОГДЕ

У каменных врат «Златоуста»
Под зеленью тихой реки
За наше родное искусство
Заречные пьют мужики.

За то, что в полемике бурной
В порыве восторженных чувств
Они говорят нецензурно,
Прости их, святой Златоуст.

Они ведь не польские паны,
Тут что ни мужик, то Тарзан,
И в мутные льется стаканы,
Увы, не целебный нарзан.

А я же заплакать готова.
Прощая и водку, и мат,
За тихую песню Рубцова
У праведных утренних врат.

* * *

Как отрадно спозаранку
Услышать сквозь летний сон
Баб веселых перебранку,
Легкий ведр перезвон!
Отдаленный звук подковы,
Свист злодея-пацана,
И дыхание коровы
У раскрытого окна.
Визг пилы и стук полена.
Мат соседских мужиков,
Запах дыма, запах сена
И воскресных пирогов!
И, восстав из дрёмы сладкой
На один блаженный миг,
Ощутить босою пяткой
Домотканый половик.

ВОСПОМИНАНИЕ

Как жглась высокая крапива,
Как безмятежно ветер пел,
Когда бежала торопливо
Я на свидание к тебе.

И как в заветную тетрадку
Роняла я ревнивый бред,
И как рыдала я украдкой,
Зарывшись лбом в старинный плед.

Звенел июль, и знойным счастьем
Земля кипела и цвела.
И пусть душа рвалась на части,
Пусть юность глупая была,

Темна, наивна и ревнива,
Но как закат тогда горел,
Как жглась высокая крапива,
Как безмятежно ветер пел!

* * *

Нет в женщине таинств великих —
Так птицы живут и цветы.
Напрасно ты глаз моих тихих
Пугаешься, как темноты.

Души моей злой и ревнивой,
Моих обжигающих уст.
Так нежная жжется крапива,
Так розовый колется куст.

Елена САБЛИНА

У праведных утренних врат...

* * *

П. С.

Как не похожа я на женщин здешних,
Привыкших с детства к косам и стряпне.
Мне не понять их помыслов безгрешных,
Их жизни мудрой не осмыслить мне.
И пусть я встану с ними спозаранку
И повяжу платок на их манер,
Во мне почует сразу горожанку
Любой веселый здешний кавалер.

И голос тих, и руки слишком тонки,
А разговор и чист, и небогат.
Так на больного слабого ребенка
Здоровые и взрослые глядят.

Кич.-Городок

* * *

Никто-никто не знает обо мне,
Из-за меня не плачут и не вздорят.
Я редкая жемчужина на дне
Нигде не существующего моря.

И пуст мой мир, лишь только иногда
В мои необозримые потемки
Сквозь бездну вод угасшая звезда
Ко мне свой луч протягивает тонкий.

НА СМЕРТЬ В.С. БЕЛКОВА

Ты сомкнул тугие веки.
Ты поешь иль спишь?
И текут под ними реки.
И звенит камыш.
И гудят под ними сосны
Дебрей вековых,
И жарою сенокосной веет из-под них.

Видишь ты, как там, на круче,
Маленький монгол
Тянет, тоненько канюча,
Мамку за подол.
Высоко под ними круча
Над большой водой.
Приглядишься к нему получше —
Это пращур твой.
Тонкий ветер дует с юга,
Там, где ты сейчас.
Ты один бредешь по лугу
Или двое вас?
А в заснеженной России —
Холод, тьма, метель.
И глядит звезда Мессии
На твою постель.

* * *

Какие гудели пожары,
Какие дымилась пиры.
Когда веселились татары
В России далекой поры.

Как эти предания стары,
Но снова в России пожар.
И это уже не татары.
А кто-то похуже татар.

* * *

Как нелегко в Россию верить,
Россию видя вот такой.
Седая женщина у двери
Стоит с протянутой рукой.
За хлеба теплую краюшку —
Ну, что ж, и это благодать —
Перекрести меня, старушка,
Мне больше нечего подать.

* * *

У всех на виду, будто сдуру,
Нацелив зрачки далеко,
Какая-то женщина курит,
И женщине этой легко.

А прямо над женщиной кружит
Прозрачный, как дым, мотылек.
Смотрите, он тоже не тужит,
Он тоже от грусти далек.

И так вот — развеять по ветру
Пыльцу золотую спеша,
Наверное, кружится где-то
И женщины этой душа.

* * *

Клянут друзья — теперь былые,
Бранят меня отец и мать:
Поступки дерзкие и злые
Я научилась совершать.

Нет, я не прячусь от заслуги.
Но так неистово хуля,
Не вы ль, родители и други,
И есть мои учителя?

* * *

Не знают эти ели,
Зачем стою я тут
И камушки без цели
Бросаю в темный пруд.

Не знают, как жестоко
Тобой уязвлена,
Ни длинная осока,
Ни круглая луна.

Как предал ты злословью
Любовь мою и честь,
Как я тебе готовлю
Несбыточную месть.

Забава, да и только,
Тебе моя беда!
И всхлипывает тонко
Глубокая вода.

ПТИЦЫ НАД ГОРОДОМ

Над городом черная кружится птица,—
Одна, неприютна, свободна и зла,
С неясною целью в реке отразиться,
А может, перо обронить из крыла.

И чудится мне, что однажды когда-то,
Предельно постигнув себя самоё,
Душа моя стала чужой и крылатой
И вырвалась прочь через горло мое.

И черною птицей, свободною птицей,
Над городом сонным она поплыла
С неясною целью в реке отразиться,
А может, перо обронить из крыла.

* * *

Нет у птицы ни дома, ни счастья —
Незавидная доля.
Только вечная жажда скитаться.
Только крылья и воля.

Отдохнет на заборе случайном
И летит, горемыка,
Над землю мою печальной,
Над Россией великой...

НАШИ РЕЦЕНЗИИ

В СБОРНИКЕ статей «Вологодский текст в русской культуре», изданном в ноябре 2015 года филологическим факультетом Вологодского государственного университета под редакцией Е. Ильиной, С. Баранова и С. Головкиной, опубликован материал А. Соловцова о «вологодской литературной действительности...». В частности, автор статьи сообщает и следующее: «Именно по инициативе ее членов («литартели» «Ступени».— ВЛ) в 1998 году было основано Вологодское отделение Союза российских писателей (ВО СРП). Союз российских писателей — организация, которая наравне с Союзом писателей России считается правопреемником Союза писателей СССР. Она возникла в 1991 году».

Видимо, только по незнанию А. Соловцов опубликовал эту информацию, неверную с самого начала, поскольку юридически Союз российских писателей правопреемником Союза писателей СССР никогда не являлся и не является. Это — альтернативная организация, созданная либеральными «архитекторами перестройки».

Союз писателей РСФСР постановлением Правительства России получил в 1992 году наименование «Союз писателей России» и юридически является единственным правопреемником Союза писателей СССР.

Вдвойне печально, что эта непроверенная информация опубликована Вологодским государственным университетом. Вполне возможно, что автора надела на эту мысль статья Г. Щекиной «Прорваться к читателю», увидевшая свет еще в 1996 году в областной газете «Русский Север». Там сообщалось следующее: «На литературном вологодском древе шумят буйные ветры и выскакивают новые побеги. Основа для этого — литературное объединение, работающее под эгидой Союза российских писателей».

Следом уже в ноябре 2015 года вторит и Р. Красильников в своей пространной и умозрительной статье «О факторах развития современной поэзии в России» (на примере «новой вологодской школы»), напечатанной все в том же издании ВГУ «Вологодский текст в русской культуре». Он уже красочно живописует нынешнее состояние этого альтернативного союза на примере вологодского отделения «Союза российских писателей»: «...в местное отделение Союза российских писателей, несмотря на демократичность, может вступить не каждый писатель, его произведения должны пройти профессиональную экспертизу. Этот принцип отличает данную организацию от других литературных объединений города, например, ЛИТО «Ступени», которое выполняет свою важную функцию — творческую реализацию любого пишущего человека, но при этом не может не привлекать случайных людей и графоманов. Возможно, поэтому проекты вологодского отделения Союза российских писателей отличаются высоким уровнем — с точки зрения содержания, дизайна, используемых технологий».

Говоря об этой «новой вологодской шко-

ле», Р. Красильников подчеркивает, по его мнению, и ее главную отличительную особенность: «...на литературную арену вышла целая плеяда относительно молодых и на самом деле молодых поэтов. Благодаря этому сглаживается разрыв между фигурами автора и читателя, которые долгое время находились в неравных отношениях (? — ВЛ). Конечно... молодость выражается и в другом — активной творческой позиции, готовности к использованию новых технологий, новых форм презентации своего творчества».

«ВСЕ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ПРАВСТВЕННЫ...»

Вологодских поэтов эти особенности касаются в полной мере».

Как говорится, комментарии здесь излишни. Оставим стилистику текста на совести цитируемого автора и обратимся к фактам. Считаем, что сегодня пришла, наконец, пора объяснить с нынешним пристрастным читателем. Для чего же все-таки он, «Союз российских писателей», был создан именно в то время, когда началось активное разрушение и демонтаж огромной страны?

Конечно, эта национальная беда не обошла тогда стороной и Союз писателей СССР. После устроенного литературными провокаторами распада «Большого Союза», демократические лидеры союзов Москвы и Ленинграда спровоцировали «гонку» членских билетов Союза писателей. С этой целью некой Алиной Любецкой из отдела кадров «Большого Союза» были тайно похищены полторы тысячи чистых «корочек» ненавистного им Союза. Об этом сообщил в своем издании главный редактор газеты «Литературная Россия» Э. Сафонов. Затем на «общем» собрании московских литераторов в Большом зале ЦДЛ под предводительством Е. Евтушенко простым поднятием рук они приняли в созданный альтернативный «Союз российских писателей» едва ли не сотню новых членов с выдачей писательских билетов.

Началом деятельности этой новоявленной организации послужило опять же тайное обращение к государственным лицам о репрессивных мерах в отношении русских писателей. Но обнаруженная публикация этого материала в «Литературной России» их остановила, но не остудила планы. Они даже предприняли попытку практически штурма тогда особенно популярного и уважаемого издательства «Советский писатель»: изо всех сил хотелось утвердиться перед лицом новой демократической власти. И вновь неудача.

Тогда в «Союзе российских писателей» решили действовать по-другому, с умом. Они

организовали в Ярославле всероссийское совещание молодых литераторов. Об этом совещании в те незабвенные годы писалось и говорилось многое, порой граничащее с легендами. Падали из окон неуправляемые пьяные люди, там денно и нощно дежурил милицейский патруль. Словно это было не совещание молодых авторов, а самый настоящий пир во время чумы. Тем более что для этого дела государством было выделено в то время 250 млн. рублей. Кстати, об этом не без ехидства вспоминал и один из руко-

водителей П. Басинский из «Литературной газеты»: «В глубине парка возле пансионата «Ярославль», где мы цинично прожигали народные деньги...» («Л.Г.» от 31.1.96 г.).

И неудивительно, а скорее закономерно, что на этом «совещании» обсуждались какие угодно вопросы, но только далекие от литературы. Скажем, чему мог научить молодых литераторов своим докладом «Употребление мата в русской литературе» один из московских руководителей семинара Е. Попов? А ведь ему в свое время дал «путевку в литературу» сам Василий Макарович Шукшин...

И, соответственно, авторы, в т.ч. вологодские («Р.С.» от 20.2.96 г.), не отставали от своих руководителей, постигая азы неизвестного. Они, упиваясь, повествовали, что «узнали о тусовках «голубых» поэтов, читали стихи о сперме, узрели, наконец, правда, поздно... феминистский журнал...». Все это они называли «шкалой ценностей» («Р.С.» от 20.2.96 г.).

А как же, спросим, насчет литературы?.. Было, было и это. Например, одного из тогдашних начинающих вологжан приняли в «Союз российских писателей» только за то, что она (автор)... вовсю ругала там Василия Ивановича Белова. Оказывается, это настолько понравилось москвичам, руководителям семинара, что они безоговорочно рекомендовали в свой альтернативный союз еще одного достойного члена. Об этом явствует из письма одного из руководителей семинара, ярославского писателя Е. Кузнецова. Да и не просто принимали, а в заключение выдавали принятым по миллиону рублей от фонда «Демократия», возглавляемого главным идеологом либеральной «перестройки» страны А. Яковлевым. Всё это называлось — «вернуть великое дело». («Р.С.» от 20.2.96 г.).

После этого на местах, как мухоморы после дождя, и стали появляться отделения «Союза российских писателей». Предназначались эти отделения, созданные, как прави-

ло, из неумелых, начинающих авторов, для единственной цели: вносить раскол в профессиональные писательские организации, забивать читательские умы подменной истинных ценностей. Правда, справедливости ради, надо отметить, что и в этих рядах есть сейчас редкие достойные писатели, как, скажем, к примеру, А. Киров или А. Варламов, нынешний ректор Литературного института.

Исторически так сложилось, что тропа к профессиональному признанию лежала через Союз писателей. С одной стороны, это было еще со времен образования Союза писателей СССР, а с другой стороны, как ни крути, все заметные — насколько их за небольшой далью времени можно уверенно оценить, — так вот, все заметные литературные произведения были созданы членами Союза писателей. Есть и исключения. Например, Владимир Богомолов с его «Иваном», «Зосей», поначалу в Союз писателей не принятый, а после «Августа сорок четвертого...» — старательно в Союз затаскиваемый, обошелся без какого-либо СП. Или В. Астафьев, вышедший в свое время из всех Союзов. Но исключения только подтверждают правило.

Десятилетиями складывалась и процедура приема, закрепленная в Уставе СП и положении о приемной комиссии (коллегии): наличие профессионально изданных книг, трех авторитетных письменных рекомендаций. Рассмотрение на общем собрании писательской организации (творческом объединении), а затем — приемная коллегия с тайным голосованием при наличии вквурама в две трети голосов. И, наконец, утверждение секретариатом. Длинновато?

Зато, ответственно говоря, при вступлении в Союз писателей России всё решается высокопрофессионально, требовательно и справедливо, ибо никто не остается в стороне от рассмотрения литературной судьбы будущего со-товарища по цеху.

При всех наших творческих амбициях мы все-таки объединение цеховое, объединение по признаку одной работы, сходного понимания жизни. Важно только помнить, что дело наше — не откровенно-ремесленное. Ремеслом, безусловно, надо владеть, и как можно совершеннее, но и в ремесло надо идти с неким предварительным попущением Божиим. Но на поверку оказывается, что это, столь понятное и одновременно такое великое откровение, доступно далеко не всем. А ведь еще самим Федором Михайловичем Достоевским в напутствии одному из авторов, кстати, нашему земляку А. Круглову, были сказаны слова, особенно пророчески знаковые сегодня: «Россия — вот кому обязан служить писатель и больше никому. Русское народное дело — вот наша цель. Русский писатель должен быть верующим, ибо только Христос — истинный путь. Все должны быть нравственны, а писатель наипаче».

P.S. В Год литературы администрация города Вологды издала «Вологодский альманах», в большинстве своем представленный авторами, выражающими интересы альтернативного «Союза российских писателей».

Редакция «ВЛ»

ИЗДАНИЕ любого литературного сборника в Вологде — всегда событие. В аннотации к новому альманаху сказано: «Не претендуя на всеохватность, альманах дает представление о многообразии литературной жизни современной Вологды». Действительно, о всеохватности говорить не приходится, так как в списке живущих в нашем городе авторов сборника не оказалось известных не только в области, но и в России прозаиков: Сергея Алексея, Сергея Багрова, Александра Цыганова, Виктора Плотникова, Роберта Балакшина, а также активно пишущих Александра Ломковского, Николая Толстикова и других. Невозможно представить поэзию Вологды без Нины Груздевой, Михаила Карачёва, Татьяны Бычковой и Натальи Сидоровой, оставшихся «за бортом» издания (о появлении в этом альманахе подборок стихотворений Ольги Фокиной и Инги Чурбановой надо говорить отдельно, так как законность их сомнительна).

Почему же уважаемые авторы-воложане отказались печататься в данном альманахе, а отдали свои произведения в другой сборник, да еще изданный на пожертвования читателей? Неужели только в силу групповых пристрастий и человеческих разногласий? Нет, конечно.

«Видя за собой пустоту...»

(Вологодский альманах — 2015 / Администрация города Вологды; ред. С.Ю. Баранов).— Вологда: Полиграф-Периодика, 2015.— 459 с.: ил.)

Главная причина иная, гораздо более серьезная — эстетическая.

Критический анализ альманаха не оставляет сомнений — в нем преобладают представители так называемой «неофициальной» или «альтернативной» прозы и поэзии Вологды, претендующей на первенство в ее литературном процессе. И московские публикации у этих авторов имеются, правда, в либеральных журналах, давно уже живущих в параллельном мире со своим узким кругом читателей и почитателей (самый тиражный и читаемый «толстый» журнал России — почтенный «Наш современник», держащий пальму первенства уже много лет подряд).

Начнем с прозы

Только два-три текста можно назвать художественно полноценными в этом сборнике. Лирические воспоминания Татьяны Андреевой о детстве и юности «Память старых фотографий» отличаются достоверностью, искренностью интонации и композиционной стройностью.

О Наталье Мелёхиной уже приходилось говорить — она вошла в окончательный список авторов Всероссийского конкурса современной прозы им. В.И. Белова «Всё впереди». Мелёхина — перспективный прозаик. Её рассказы требуют редакторской правки, но самое важное — авторский стиль — в них уже есть.

А вот остальные публикации, за редким исключением (Д. Ермаков), не выдерживают критики.

Проза Николая Белозерова, представленная в альманахе фрагментами из романа-фэнтези «Путь бога» — скучная и вторичная даже на фоне сходной по жанру макулатуры, лежащей годами на книжных развалах. На самом деле это не фэнтези, а языческая мешанина, о содержании которой можно узнать из предисловия: «Герой трилогии — Вольга, наделенный от рождения незаурядными мистическими способностями. Будучи волхвом, он одерживает победу над могущественной Черной Лаской, стремившейся обрушить Мировое Древо, и становится новым божеством Дажьбожь». В тексте действуют оборотни, жрицы, ведуньи, волхвы, ведьмы и домовые. Образец речи: «Ведь хоть и не слышен обычно голос домовый ушам непосвященным, но, говоривал отец (когда думал, что Рокса спит): «Однажды и у мерина встает...» ... «Тайну ее безжалостно ссильничали, выстудили душу ее, не закрыв нарочно дверь, впустили чужих, и они бездумно вытоптали-разорили цветочник воспоминаний ее». — Особенно умилает троекратно повторенное «ее»...

• Продолжение на 5-й стр.

ИЗ СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ ВЕЛИКОГО ПИСАТЕЛЯ

Фонд Сороса — угроза безопасности России

ГЕНПРОКУРАТУРА РФ признала нежелательным на территории России Фонд Сороса. Как установила Генпрокуратура, он представляет угрозу основам конституционного строя и безопасности государства. Решение было принято в связи с обращением Совета Федерации, министра иностранных дел и министра юстиции. Глава комитета палаты по международным делам К. Косачев, в частности, отметил, что «иностранные демократические миссионеры обрабатывают наши идеалы и наше общество, также при любом удобном случае пытаются «подпалить» Россию и установить внешний контроль за ситуацией в нашей стране и за нашими людьми». Тогда же он привел в пример Фонд Сороса, Фонд национальной поддержки демократии (учрежден конгрессом США), один из крупнейших благотворительных фондов США Фонд Макартуров, а также созданный правительством США Национальный демократический институт.

В ПОЛНОЕ 7-томное собрание сочинений великого русского писателя В.И. Белова, изданное в 2012 году, редакционной коллегией не была включена статья «Вологодские соросята», где Василий Иванович провидчески указывал на разрушительную для России деятельность Соросовского фонда. Сегодня «ВЛ» публикует эту статью, напечатанную в апреле 1997 года в областной газете «Русский Север».

ОДНАЖДЫ, примерно с месяц тому назад, настойчиво завершал телефон. Жена, взявшая трубку, услышала встревоженный женский голос:

- Позовите Василия Ивановича!
- Он занят, — отвечает жена. — Что передать?
- Нет-нет, мне надо лично его...
- Бросаю дела, поспешно бегу к телефону.
- Василий Иванович?
- Да.
- Нет, это правда вы?
- Правда-правда.
- Пожалуйста, ответьте мне на один вопрос!
- Я вас внимательно слушаю.
- Почему это рязанских называют кособрюхими?
- Ну откуда же мне-то знать?
- Нет, вы знаете! Вы все должны знать.
- Увы, не все.
- Извините...

Явно разочарованная женщина бросает трубку.

Случай вспомнился мне в связи с названием этой статьи. Она перекликается с известным выражением «вологодские телята». Происхождение прозвища в точности неизвестно. Русский народ был и великодушен, и смешлив, охотно давал прозвища и соседям, и сам себе. (Мне уже приходилось говорить об этом явлении в «Очерках о народной эстетике».) Как «пермяк солены уши» или архангельский «моржеед», выражение «вологодские телята» никогда не было обидным. Употреблялось обычно с юмором, для шутки. «Кособрюхий рязанец» — тоже.

Увы, с некоторых пор добродушный юмор начал исчезать из русского языка. Зато появилась грубая непотребщина, а то и циничная и циничная ложь. Демократическая печать особенно преуспела в этом «движении». Чего только нет и в наших вологодских газетах! Тут и колдуны, и нечистая сила, и проституция, и описания зверских убийств. Какое уж добродушие, если журналисту важнее совсем иное — мерзость, цинизм, моральное падение и т. д. Может быть, он втайне радуется, что обокрали не его квартиру, не его нашли замерзшим и спившимся? К примеру, орган вологодской городской организации «Новости» вместе с добротной информацией активно поставляет подписчикам сообщения об убийствах, воровстве, о наркотиках, самоубийствах и т. д. Почему такой интерес к смертям и насилию? Непонятно... Без криминальных колонок газеты и жить не могут. Раньше я с улыбкой читал дамские объявления типа: «Обаятельная девушка 25 лет, серьезная и одновременно смешливая, хозяйственная, ищет друга. Был любимым, но по глупости расстались».

Чего не сотворишь по глупости. Некоторые «обаятельные» москвичи общаются уже и размеры своего бюста. Но вот и мужчины начали писать свои объявления: «Обаятельный парень 22 лет желает...». И прочие благоглупости. Хорошо еще, что он не килун и младенец не кушает... А экстрасенсы? Сколько их, сердечных, развелось! А гипнотизеров? Нормальной медицине и делать стало нечего. Астрологические прогнозы

и предсказания всяких колдунов наши редакторы печатают тоже охотно. И глупые люди верят колдунам...

Моя статья «Окопы Третьей Отечественной», опубликованная в «Советской России», увы, почти никого не заинтересовала.

В этой статье я говорил, что Третья Отечественная давно идет, что она может стать для России последней, что на

ВОЛОГОДСКИЕ СОРОСЯТА

карту поставлено все, то есть ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ наша... Вроде бы говорил правдиво, привел очевидные факты, но читатели-воложане фактам не верят.

Как покорить непокорный народ? Как завоевать мощное государство? Совсем ведь не обязательно действовать методами Наполеона Бонапарта или Адольфа Гитлера, т. е. с помощью военной силы. Ну конечно, можно и так, то бишь прийти с войной. Но завоевать страну без Бородинских или Прохоровских сражений, завоевать хитростью намного заманчивей и, добавим, безопасней. Россию завоевывали пока именно таким способом. (Отнюдь не исключается и наполеоновский способ). Выкачивать из очередной покоренной колонии естественные богатства, используя ее же интеллектуально-мускульную энергию, лучше с помощью хитрости, а не в открытую. По крайней мере, до того момента, пока народ этой колонии не очнется и не сбросит с себя дурман, гипноз международных жуликов. Если, конечно, он (этот народ) от алкоголя, разврата, голода и болезней вымер не до конца.

Как покорить без крови? Очень простой рецепт! Он известен с древнейших времен. Воевать можно не с помощью пушек и всяких там штуцеров, а с помощью золота или обычных бумажек, заменяющих золото, то есть денег. Но самое главное — сперва надо лишить народ обычного хлеба. Сделать его голодным. Тогда и до нитки ограбить его просто, так как голодный человек все отдаст за кусок хлеба.

«В мире есть царь, этот царь беспощаден. Голод названье ему!» — писал Н.А. Некрасов.

Негров покупали у их вождей за всякие безделушки и везли в Америку в корабельных трюмах. Они работали на плантациях за одну кормежку. Так создавался первоначальный капитал — основа нынешнего процветания Соединенных Штатов. Но как купить у нынешних, таких «непредсказуемых» вождей целое, причем довольно мощное государство? Очень просто. Это можно сделать тоже с помощью ничего не стоящих безделушек. А если вождь еще и дурак, или тшеславен, или болен, то обмануть его еще проще! Он продаст свою страну и народ.

Итак, пусть вождь (неважно, чернокожий он, или красно-коричневый, или еще какой) оставит своих подданных

сперва без хлеба, тепла и совести. Остальное получится все само собой. А мы, т. е. жулики, через банкиров будем выдавать этому вождю ровно столько, чтобы народ не вымер совсем. Или вымирал, но не так быстро. Помедленнее. Чтобы люди жили и работали, но жили обязательно впроголодь, поскольку с голодным-то человеком можно делать все что угодно. Когда он постоянно хочет есть, он выполнит любое поручение, не важно, дьявольское или Божеское. Он сам разворует остатки государственного достояния. Сам попросит подачку. Он ограбит своего соплеменника, подожжет от голода собственную деревню. Только и надо — лишить его работы, а значит, и зарплаты: следовательно, он не сможет кормить своих детей и беспомощных стариков, не сможет приобрести элементарных лекарств и элементарно необходимых орудий труда. Все, процесс пошел! Колония налицо! Золотому миллиарду опять можно жить спокойно какой-то период.

О, я знаю, что такое голод. Не понаслышке. Испытал и краткий, и длительный, в детстве и в юности. Пока была жива мать, я, чтобы не обидеть ее, стеснялся писать о своем детском и юношеском голоде. Теперь, когда матери нет, я без боязни обидеть ее память, говорю, что начиная с десяти лет (с 43-го года) мне все время хотелось есть. Раннее дет-

ство было относительно благополучным, хотя обычный пряник считался редкостью. Лишь в армии, то есть с весны 1952 года, это страшное чувство, надеюсь, навсегда отступило. Только в армии я (может быть, впервые после 42-го года) на длительный период оказался сытым и тепло обутом.

Живо и ясно помню голодные годы детства. Вот мама сидит на углу стола и жует что-то всухомятку — то ли картошку, то ли какие-то жалкие корочки. Глядит на всех нас, пятерых, и медленно что-то жует. Она редко, очень редко мочила свою ложку, старалась, чтобы вся похлебка, вся до капли, осталась нам, ее детям! Помню и зиму 49-го года в Вохтоге, когда после ФЗО, будучи ослабленным от постоянного недоедания, ровно трое суток ничего не ел. В СМУ, где мы работали, зарплату в срок редко выдавали. Меня уже, как говорится, шатало ветром, когда по записке начальника СМУ М. Куликова мне выдали из кассы 25 рублей. В те жуткие голодные дни я вполне мог совершить любое преступление и не смог бы отказаться от любой зарубежной подачки. Взял бы милостыню хоть от самого Трумэна или Даллеса.

Поэтому я вовсе не осуждаю жалкие деньги, на которые покупаются учителя и профессора, не ведая, какие подлые учебники печатаются на тот же Сорос. (Не зря же Сороса с гневом под зад коленом вышибли из Минска да, видимо, и вообще из Белоруссии).

Но у кого из здравомыслящих, совестливых людей повернется язык, чтобы осудить голодного человека, например, сельскую учительницу? Укорить ее зарубежной подачкой, назвать ее поступок бесчестным? Не знаю...

Не получающая зарплата заслуженная учительница, конечно, будет благодарна любому соросу, кто подаст ей, как нищей, пусть и несколько долларов... Но когда эту подачку из фонда американского банкира распределяет и выдает вологжанин Исаак Абрамович Подольный, а присуждают эту подачку учительнице ее же ученики (я называю их соросятами), судить о чувствах этой учительницы я не берусь...

Дней через пять после телефонного диалога о «кособрюхих рязанцах» позвонила вновь. Говорила не та, а другая женщина. Она слезно просила поговорить лично, «не по телефону». Я предложил встретиться в нашем писательском «офисе». Она хотела, чтобы наш разговор никто не услышал... Спрашиваю:

— Что случилось?

Она мнется, конфузится. Ей лет сорок, может быть, несколько больше. Одета весьма неплохо. Достает из хозяйственной сумки какую-то бумагу и подает. И вот я читаю ее личное письмо — обращение к зарубежной общественности с просьбой о денежной помощи.

— Помогите напечатать где-нибудь в Канаде или в Дании. У вас же много зарубежных друзей, знакомых корреспондентов...

Как жаль, что не было рядом господина Есипова с его вездесущей камерой, чтобы заснять для телевидения эту сцену.

Недавно Есипов присутствовал на собрании творческих работников. Выступая о вологодской культуре, я пытался убедить присутствующих, что культура культуре рознь, и сравнил вологодскую культуру с вологодской свободой слова: «Вон господин Есипов делает едва заметные тайные знаки своему оператору, кого снять, кого не стоит. Такая у нас свобода слова, — говорил я с трибуны, — все зависит от господина Есипова...»

— Тайные масонские знаки! — съехидничал Есипов с места.

Он как бы не знает, что в России давно существуют масонские ложи.

(Обычный «соросятский» приемчик — обозвать мифом то, что давно существует в реальности. На симплициусов очень даже хорошо действует).

Но вернемся к женщине, призывающей «международную общественность» выручить ее от безденежья.

— Почему вы именно за границей хотите опубликовать? — спросил я. — Ведь газет и здесь полно.

— Нет, здесь не хочу!

И она начала рассказывать о безработных сыне и зяте, о бедствующем семействе.

— Я не могу ничем вам пособить! Кроме личной помощи...

При виде моих ста тысяч она в слезах побежала прочь:

— Не надо мне ваших денег!

Хотел я спросить, почему моих не надо, а от заграничных не отказалась бы.

Но ее уже не было в нашей бедной конторе...

Другая (вернее, уже третья) дама средних лет долго приглядывалась ко мне в троллейбусе. Наконец заговорила и тоже просит поговорить «без свидетелей».

Я недоуменно пожимаю плечами.

— Вы можете выйти и зайти ко мне в контору на работу? Мне очень надо...

Я должен был ехать дальше, но вышел с ней из троллейбуса. Нет, эта дама не из породы соросовских, хотя по психологии и близка к ним.

Она говорит:

— Чтобы не терять времени, могу сказать и на улице...

— Что сказать?

— Дело в том, что я попала в зависимость. Посоветуйте, как мне быть.

— В какую зависимость? От кого?

— От экстрасенса.

— А зачем вы к нему обратились?

— Нет, вы не подумайте. С психикой у меня все в порядке. Но мне нужен был семейный совет...

— Нашли с кем советоваться!

— Теперь они меня преследуют...

— Кто они?

— Экстрасенсы. Он сам сказал, что никто его не проверит, это бесполезно...

— Бегите от экстрасенсов как можно дальше! — начинаю я сердиться. — На вашем месте я бы... знаете что?

— Что?

— Вот что всем этим целителям! — и я выставил напоказ сжатый кулак.

— Нет, они ничего не боятся... — сказала женщина. — Я уж и к священнику обращалась... Но священник у нас слишком молод.

— Какая разница, молод он или стар. Священник есть священник.

— Спасибо!

Она побежала на работу, а я заскочил в следующий троллейбус.

Василий БЕЛОВ.
Апрель 1997 г.

«ВСЁ ВПЕРЕДИ» С БЕЛОВЫМ

Всероссийский конкурс современной прозы имени Василия Ивановича Белова, классика русской литературы, проводился уже в четвертый раз. Теперь он организован Союзом писателей России совместно с Правительством Вологодской области и будет постоянно проходить раз в два года.

В 2015 году были рассмотрены более тысячи работ 345 участников из 50 субъектов Российской Федерации, а также зарубежных стран — Белоруссии, Украины, Казахстана, Эстонии, Канады. Первое место решено было не присуждать. Вторые премии получили Виталий Лозович, Воркута (повесть «В городе метёт пурга»); Станислав Мишнев, Вологодская область (цикл рассказов «Письмо другу»), третьи премии: Иван Чуркин, Нижегородская обл. (рассказы «На Сатисе-речке»), Геннадий Рудягин, Москва (рассказы «Россыпь»); Алексей Ивакин, Кировская обл. (рассказы «С лица воду не пить...»). Были рекомендованы к включению в сборник лучших работ участников конкурса и другие авторы: Александр Миронов, г. Санкт-Петербург, Анатолий Байбородин, Иркутская обл., Евгений Шишкин, г. Москва, Наталья Мелехина, г. Вологда, Елена Родченкова, Санкт-Петербург.

Сегодня на страницах «ВЛ» представлены рассказы двух авторов: Елены Родченковой из Санкт-Петербурга и вологжанки Натальи Мелехиной.

На открытии Вторых Всероссийских Беловских чтений в Вологде

А. Белова, О.С. Белова, А. Алмазов, Е. Пятницкая, С. Куняев, В. Крупин, М. Карачёв, С. Мкрещев; во втором ряду: А. Цыганов, В. Плотников, А. Ехалов

ПОНАЧАЛУ ездить на велосипеде на городскую помойку Инка стеснялась, старалась по темноте — или с утра, или под вечер, чтобы никто не видел. Когда наступила зима, снег завалил бесплатный Инкин магазин, а после того, как она позвонила Президенту России на горячую линию, и вовсе закончилась ее дармовая добыча.

Позвонила зимой. Была почти трезвая, не злая, не голодная, просто сбил ее с толку сияющий на экране телевизора номер телефона. Может, проверить хотела, обманывают или нет, с этим номером-то, может, надежда какая появилась... Сама не знает, как так получилось. Правды захотела.

Позвонила и сходу спросила: «Скажите мне, пожалуйста, как нам выжить? Старшего сына прислали из Чечни в гробу. Голова была положена отдельно, отрезанная, а тело чужое. Не его тело. А его, наверное, послали другой матери. Что? Да, я открыла запаянный гроб. Открыла... Что вы говорите? Неважно, как его зовут. Его нет. Остался младший. Батяка их спился. Муж мой. Похоронила. Колхоз распустили, деревня вся вымерла, работы нет. У нас здесь зима, дорога нечищенная, живут пять семей, одни старики. Школу в соседней деревне закрыли. В лесу волки. Вожу ребенка в город с ружьем. Мальчик у меня, Витя. Ружье нелегальное, отцовское. Можете, конечно, изъять. Работы нет. Никакой. Только домашняя: печки, вода, дрова. Скажите, как нам выжить? Ну как? Что? Да, сама я иногда пью. Злоупотребляю алкогольными напитками... Но ведь и таким надо выживать как-то, всем надо жить!»

На том конце с ней говорили вежливо и тепло, потому она рассказала не только о своей жизни, но и о работе районной администрации за последние лет десять.

Всю следующую неделю по утрам, просыпаясь, Инка ощущала какой-то холодный и неудобный мрак в желудке, так бывало после длительного запоя или перед посещением участкового. Но потом она затапливала печь, шла на колодец за водой, грела чай, пила его, тихо брякая ложечкой, глядя в окошко, и дожидаясь, когда проснется Витя. Холод постепенно теплел, тяжелея, таял, как сугроб, и переставал ее мучить.

Через неделю к Инке приехала комиссия из района, человек восемь на двух старых козелках. Ввалились в дом без стука, по-хозяйски, стали рассматривать комнаты, заглядывать в шкафы, писать какие-то бумаги, и одновременно проводить с ней беседу, говоря громко и хором. Были в комиссии представители из себяса, из РОНО, с биржи труда, из управления сельского хозяйства и несколько человек незнакомых, те стояли возле двери и молчали.

Инка не испугалась, хотя сердце ее колотилось и пыталось выпрыгнуть из груди. Она обозлилась. Уперлась сухими кулаками в костлявые бока, выставила вперед ногу в тапке, насупилась, набычи-

лась и молчала, будто была глухонемой. Если бы она была пьяная, то оба козелка взлетели бы прямо от ее дома, как два реактивных самолета, несмотря на то, что дорога в деревню была нечищенная, но Инка была трезвая, а когда она была трезвой, она была разумной, расчетливой, спокойной и осторожной.

— Разве я неправду им сказала? — спросила она, наконец, умолкнувшую комиссию.

— Она еще спрашивает! — снова хором загалдели, как пара трехголовых драконов члены комиссии.

— Разве я что-то сочинила или приукрасила? Товарищ начальник сельского хозяйства, Фрол Ильич, наш бывший председатель колхоза, не дашь соврать, где колхоз?

за семь километров к отцу Василиску.

Бабка Аришка очень уважала и побаивалась старого священника отца Василиска, отец Василиск бабку Аришку тоже любил, как и его отец и дед, и прадед, тоже священники, любили Аришкину мать, и бабку, и прабабку, тоже знахарок...

— Ну, что ты смотришь так, батюшка, как мышь на крупу? — спрашивала его бабка Аришка.

— Да ведь неплохо бы тебе эти дела заканчивать, помирать по-христиански будешь, исповедуешься, причастишься...

— Мне рано пока помирать, делов много,— отмахивалась бабка Аришка.

* * *

— Ох, касатик, мамушка-то твоя как нехороша,— прошептала бабка Аришка,

Елена РОДЧЕНКОВА (Санкт-Петербург)

ДОМ ДУРЫ

— Это все понятно, Инна, что нет колхоза,— согласился Фрол Ильич.— Но зачем же выносить сор из избы? Подвела весь район.

— В избе у нас столько сору, что дышать нечем, хоть помирай. Я бы померла, да Витю некуда. Кто ж его на ноги будет поднимать?

— Не переживай, Витю мы заберем,— успокоила ее Дарья Марковна, директор приюта.— Лишим тебя родительских прав, и он прекрасно проживет на государственном обеспечении.

И тут у Инки исчез ум. Показалось ей вдруг в какой-то момент, что она стала не только пьяная, но и внезапно научилась летать, а когда она очнулась и обнаружила себя в облаке черной гари отъезжающих козелков, то увидела в своих крепко-накрепко сжатых кулаках клоки черных, длинных волос директора приюта.

Вечером Инка слегла с высокой температурой, послав Витю за бабой Аришкой, одинокой старой знахаркой на другой конец деревни.

Бабка Аришка прибежала быстро. Шустренькая, сухенькая, ясноглазая, колдуньей ее называли язык не поворачивался, скорее, походила она на плясунью из районного хора при доме культуры. Говорили, что она ведьма, но детей порченных, больных возили к ней лечить и не боялись. Бабка Аришка мудрым сердцем да зорким глазом всех видела насквозь, но ни на подозрения, ни на хулу не откликнулась, знай себе делала свое дело, собирала с людей всякую дурь и отправляла ее на сухой лес или в поганое болото, снабжала травами, водичкой, заставляла учить молитвы, и в конце лечения всех направляла в церковь

подходя к кровати с распластанной на ней горячей Инкой.— Ох, девка, сколь дури на себя взяла! Зачем? Для чего взяла? — спросила она.

— Не знаю,— прошептала Инка.

— Не надо было брать. Сказала бы им: на свою голову! И пусть бы пошли. Сами бы справлялись. А теперь гори, что ж... Переможешь сама-то?

— Не знаю ничего...

— Ладно. Гори пока. Мы с мальцом печку затопим, блинов спечем. Авось, справишься, а нет, так подмогну.

Но Инка не справилась, и посреди ночи бабка Аришка прогнала расстроенного Витю в сени, чтобы не мешал ей своим неверием. Она склонилась над горячей Инкой, а Витя одел отцовскую фуфайку, вышел на веранду, сел на провалившуюся, старую оттоманку между несколькими выпирающими пружинами и стал смотреть в темный двор.

Привычное дело — бабкины сказки. С детства он помнил, как она несколько раз заговаривала ему ангину. Бывало, водит клочком колкой травы по горлу и шепчет себе под нос: «Ангинка-ангинка, колкая шетинка, тебе тут не быть, кровь не пить, кости не сушить...» Вите было шекотно и смешно, он фыркал, хватал бабку Аришку за руку и смеялся от души.

— Ну! Чего? — восклицала бабка.— Глупый какой! Сбил меня... Давай снова.

И опять шептала свои стишки, собирая с Вити ангину и отправляя ее в поганые болота к змеям и скорпионам, в глухие горы под сухие пни, в гнилые леса, на кривые коряги, в омуты, болота и трясины.

Витя хохотал до упаду от шекотки, а то и плакал:

— Отстань ты от меня, баб! Страшно, я в лес буду бояться ходить! — но послушно вытягивая длинную худую шею.

— Тыфу ты! Опять сбил. Вот дурень...

Бабка Аришка садилась, обессиленная, на лавку перед Витей и осуждающе качала головой.

— Вот ведь вишь, непростой ты. Ишь, как черти-то тебя ломают. Мешают мне. Ну-ка, давай, малец, опять...

Упрямая была бабка Аришка, упертая. Плюясь по сторонам в конце заговора, торжественно провозглашая: «собаки не лают, петухи не поют!...», она становилась похожей на маленькую первоклассницу Надьку Семенову, нарядившуюся старушкой для новогоднего представления. Махала ручками, крепко зажимая в кулачках сухую траву, суропила гневно белесые бровки, выпячивала сердито и грозно вперед нижнюю губу, и белый платок ее сбивался набок, отчего концы его висели над бабкиным плечом, как поникшие заячьи уши.

Витя хохотал, утирая слезы, и мотал головой от восторга:

— Зайчиха! Ой, не могу...

— Во, вишь? — таинственным шепотом прерывала его смех бабка Аришка.— Полезли бесы... лезут, вишь? Смейтесь, смейтесь, я вам устрою...

— Уши у тебя как у зайца,— заливался Витя радостным, легким смехом.

— Давайте, давайте, я вижу вас, вижу,— грозно и многозначительно кивала бабка Аришка, бросая в печку клок скатанной травы.— Счас я вам устрою, погодите...

Она чиркала спичкой, поджигала траву и начинала разговаривать с огнем. Бежевый, как густое топленое молоко, дым валил клубами в избу.

— Трубу-то не открыла! Открой трубу-то, химик! — советовал Витя бабке, громко икая от смеха.

— Икай, икай... Выходят они из тебя...

Витя сам торопливо отодвигал печную заслонку, и дым послушно направлялся в печку.

— Иди теперь домой, сама справлюсь,— велела бабка Аришка.— Ему добро делаешь, а он все смеется надо мной, дурень. Не был бы ты мне мил, не стала бы тебя лечить. Всю душу вымотал, два дня теперь работать не смогу.

Правда, после заговоров Витя ангиной не болел. Один раз Инка водила его к бабке Аришке выгонять испуг,— тогда Витя нашел в лесу осиное гнездо и решил, что в нем есть мед. Пока приноравливался, как забрать, не заметил медведя. Хорошо, что медведь оказался медвежонком. Разбежавшись в разные стороны, они оба испугались так, что Витю пришлось вести к бабке Аришке.

Бабка путала его ноги и руки в толстых, круто крученых льняных нитях, как бы измеряя длину и ширину его тела, ног, лица, рук, ушей, что-то бормоча, будто считая, плюсуя-минусуя, приговаривая про месяц и солнце, день и ночь, жизнь и смерть, и также обязательно про своих

• Продолжение на 9-й стр.

«ВСЁ ВПЕРЕДИ» С БЕЛОВЫМ

• Продолжение. Начало на 8–9-й стр.

– А-а, смысл... Все равно, как в печке сидишь да в закопченную заслонку глядишься,— заворчала бабка Аришка.— Ничего не выглядишь, одно только бока поджаришь.

– А вот и нет! Как раз и выглядишь! Распахнешь заслонку, а оттуда — свет, радость, дом,— сказал Витя.

– Так надобно ее раскрыть, сынок! Ты эту картонку-то пополам разрежь, давай я подмогну, ножницами не получится, а мы ножиком, давай? — оживилась и заволновалась вдруг бабка Аришка.

– Зачем? Не надо резать, можно белой краской нарисовать отсветы, видно будет, что ворота распахнулись... Вот, смотри, у меня есть наброски: ворота как бы изнутри распахиваются, а в просвете видишь — кто?

– Кто?

– Это Бог,— сказал Витя.

– Ты не боишься Бога рисовать, может, нельзя? — засомневалась бабка Аришка.

– Не боюсь. Почему нельзя?

– Ну, не знаю, ты ведь не святой... Иконы могут писать только святые люди.

– Это не икона, это картина. Многие художники рисовали Бога и ничего. Умерли, конечно, но ведь все когда-то умирают.

– В ад, небось, пошли...— решила бабка Аришка.— Скажи, ну вот как же так можно: грешить и братья Бога рисовать?

Витя оторопел.

– Разве я грешу? — спросил он.— Если только отговариваюсь, да школу пропускаю, печку вот топить не хочу...

– Я не про тебя. А ты, вишь какой, напугался! А сам меня давеча спрашивал, не боюсь ли я помирать! — язвительно сказала бабка Аришка.— Хотя я и печку топлю, и не отговариваюсь, и не ленюсь.

Она стала аккуратно складывать рисунки в стопки.

– Что уж, рисуй. Дело твое верное. Садись и рисуй. Надобно ворота ада открывать, а не то они на нас лежат, всех придавило. Одолеем мы их, а они нас не одолеют. Садись за стол, а я пока блинов напеку.

Бабка Аришка пошлепала на кухню, а Витя, будто давно ждал ее команды, сел за стол и нетерпеливо разложил краски.

– Я бы пироги спекла, Витя, но руки стали крюки. Все валится, не могу справиться. Напеку блинов, это попроще. Где тут мука? Мука? Ты где? Вот ты куда спряталась... Молоко? Иди сюда...

Витя рисовал за столом, а бабка разговаривала с печкой, с дровами, с огнем, со сковородкой, с бутылкой масла и с каждым пыльным блином по-доброму: кого журила, кого хвалила, кого подбадривала, но никого не ругала и не злилась, не сердилась. Вите было сладко рисовать Бога. В печи потрескивали поленья, пугая робкую тишину, будто то здесь, то там, то в одной, то в другой комнате лопались маленькие цветные воздушные шарики или вспыхивали внезапные звезды, тревожно шелестя лучами.

– Баб Ариш! — громко крикнул Витя.— А, баб Ариш!

На кухне что-то прошуршало, скользнуло и бабахнулось об пол, покрутилось и, громыхая, покатило по полу.

– Напугал! Ох, тошно мое лихо! Все побила, раззява...

– Баб Ариш! А может, не ворота это, а дверь? Не в центре тогда рисовать надо, а справа. Как будто бы дверь открывается... А? Вот так... Глянь...

– Напугал! — с вызовом повторила бабка Аришка, шлепая по кухне и собирая раскатившееся.

– Дверь-то лучше. А? Откроет дверь и никто не закроет. Но это не так торжественно. Лучше в центре. Лучше — ворота, да?

– Иду я, погоди! Размажешь сейчас все, краски уронишь, все испортишь, сиди, иду.

Полвека прожив одна, бабка Аришка как-то сразу привыкла к семье и уже стала строжить своих домочадцев.

– Никакого дела не даст. Чего тут у тебя?

И только бабка Аришка уселась на стул возле круглого стола, как в окно на кухне постучали. Она вздрогнула, вскопчила, и, словно была молодая, побежала к двери.

На веранде уже гремели шаги. Бабка выскочила в сени, Витя следом за ней.

– А хозяева на улице. Здрасьте, здрастье... На улице, говорю! Пойдемте к ним, ага, выходите на улицу,— напирала она сухеньким телом на трех растерявшихся женщин.

– В сарае хозяева, кур, может, кормят, пойдемте, пойдемте...

Женщины не стали спорить и вышли на улицу, а бабка Аришка тут же захлопнула входную дверь и закрылась на большой крючок.

– Откройте, бабушка,— попросили за дверь.

– Не открою. Зачем вы ходите по чужим домам?

– Мы комиссия из районного отдела образования,— сказала одна из женщин.— Нам нужно составить акт жилищных условий ребенка.

– Составляли уже. Хорошие условия. Очень прекрасные! Так запишите: очень прекрасные,— сказала бабка Аришка, выглядывая в окошко веранды.

– Извините, но нам нужно осмотреть его комнату, мебель описать...

– Мебель? Какую мебель? Вы сами-то не из дворцов будете? Не знаете, какая мебель в деревенском доме? Печка, лавка, стол, кровать, шкаф и телевизор. Так и пишете.

– Откройте дверь! — приказала начальница, женщина, которая была толще и старше двух других.

– Не открою.

– Мы вызовем милицию. Вы обязаны подчиняться представителям власти.

– Никому я не обязана,— сказала бабка Аришка.— У меня свое начальство. Вы, видать, неместные, не знаете, что я тут главная колдунья в округе?

– Чшш,— попытался урезонить бабку Витя, но ее уже было не остановить.

– Не знаете? А сейчас узнаете!

– Бабушка Ариша,— звонко закричала тоненькая девушка в беретке.— Мы должны свою работу выполнить, нас уволят, если мы не составим акт.

– А! Узнала меня! Вот! Гляди мне! Уволят-то ладно, а вот если замуж не выйдешь и будешь до пенсии седыми лохмами на танцуйках трясти...

– Пойдемте отсюда,— прошептала девушка и пошла к машине.

– Стой! — приказала ей толстая старшая начальница.— Открывайте дверь! Сейчас звоню в милицию! Так! Вызываю...

Старшая вытащила из кармана сотовый телефон и стала нажимать толстым крючком указательного пальца на кнопки.

– Вызывай! Я посмотрю, как вы отсюда поедете. Все канавы пересчитаете. Поедете-то в город, а окажетесь на селе, свернете на дорогу, попадете на тропину. Давай, вызывай! Я не из пугливых! Витя! Иди, глянь блины! Горят...

Бабка вошла в раж, будто вокруг дома стояло много зрителей.

– Ужо я вам! — грозила она сухим кулачком в окошко веранды,— вдов да сирот обижать? Я вам всем покажу, распущенки! Ишь, моду какую взяли по чужим домам лазить, мебель описывать, детей забирать! Заколдую сейчас всех, сядете на ноги, поползете домой на пузах своих! Ужо я вам, мыши серые!

Комиссию как ветром сдуло со двора. Они бежали не по тропке, а прямо по рыхлым, подтаявшим сугробам, молча пытая и толкая друг друга локтями.

– Охохонюшки,— вздыхал Витя, макая пышный блин в сметану,— не стыдно ли тебе?

– Нет.

– А мне неловко. Теперь опять участковый приедет. Заберут скоро всю деревню в милицию, один я останусь.

– Ко мне участковый не приедет,— сказала бабка Аришка.— Я никого не цара-

пала, не била, а про колдовство в законе ничего не сказано.

– Ты и вправду можешь плохо делать людям? — спросил Витя.

– А чего ж... Могу. Если поверят в то, что могу.

– Ты злая. Не надо плохо делать людям.

– Витя, никто не может сделать человеку плохо, кроме него самого. Про себя человек все решает сам. А что не может решить, то должен спросить у отца или матери. Если нет отца и матери — спроси у Бога. Стесняешься у Бога, спроси у святого. А уж если своевольничать любишь, сделал себе плохо, то сам и расхлебывай.

– Все равно ты злая. Ты напугала тетенек.

– Не злая, а справедливая. Я прямая. На язык, конечно, худая,— согласилась бабка Аришка.

– Люди на работе, зачем их ругать?

– Я тоже на работе. Ешь, давай, не разговаривай, а то поперхнешься.

Витя тут же поперхнулся блином, закашлялся, чихнул и, вытирая нос рукавом, недовольно пробурчал:

– Да уж, ну и язык у тебя...

– У тебя не лучше. Как скажешь что, так у меня вся сила пропадает. Сразу хочу на печке полежать.

Весь месяц они втроем держали оборону. Витя в школу не ходил — мать не пускала. Это было еще одним поводом для визитов разных комиссий. Когда к дому подъезжал очередной козелок, они втроем сидели тихо, будто бы никого дома не было. На двери веранды для отвода глаз был повешен большой черный замок, а сами заходили через хозяйственную дверь, ведущую во внутренний двор к сараям.

Участковый к бабке Аришке так и не приехал, видно, ему не сообщили о ее угрозах, и бабка Аришка почти перебралась жить к Инке с Витей. Ходила домой только протапливать печку, чтобы дом не выстыл и не отсырел, а в подвале не смерзала картошка.

Дело Инкино вот-вот должны были передать в суд. Борис Иванович переслал ей с мужиком из соседней деревни, отси-девшим за пьянку пятнадцать суток, записку, в которой корявым почерком было написано: «Инна, приготовься к тюрьме. Что делать — думай сама. Посадят точно». До суда органы опеки и попечительства должны были разрешить вопрос насчет Вити и забрать его в приют.

– Что тебе отец Василик сказал? — допытывалась у Инки бабка Аришка.

– Сказал, что надобно повиноваться властям. Смиряться.

– В тюрьму идти?

– Вроде так.

– А Витю в детдом?

– Так вроде.

– А мог бы он вас обоих в монастырь какой определить на время? Раз уж все нехорошо получилось, не спросила ты?

– Спросила. Сказал, не надо наводить ссор. Если нас какой монастырь и примет по его хлопотам, то после все равно выдаст милиции, потому что милиция подаст в розыск.

– Ну-ну. Ясно... Нельзя преступников укрывать от властей. Тоже ведь тяжело им там, в монастырях. И вашим и нашим надо, купи-продай.

– Отец Василик мне денег дал. Сказал, на первое время. А какое первое время, если оно последнее? Говорит: зачем ты меня спрашиваешь, как быть, если больше моего знаешь.

– Инна, я тебе вот тоже принесла. Скопила, а девать некуда. На похороны отложила, а эти вот лишние, возьми. И на море съездить хватит, и в Китае погулять, и на Луну слетать.

Инка задумалась. Посидела, молча уставившись в окно, за которым сгустилась сумерки, потом вдруг резко поднялась со стула.

– Ну, я тогда пошла? Кой-чего надо взять... в лесу, я по делу.

– Иди. Что возьмешь в лесу в марте?

Ничего хорошего,— вздохнула бабка. И принялась чистить картошку на ужин.

Вернулась Инка поздно, было уже темно. Деревня спала, только в ее доме тускло, как лампадка, светило кухонное окно.

– Ну, вот и пришли,— прошептала она, скидывая нетяжелый картофельный мешок с плеч. Она положила его в углу сеней, накрыла пустым деревянным ящиком, и сверху закидала старыми фуфайками и куртками.

– Что ты тут делаешь, мама? Почему в дом не идешь? — спросил Витя, выглядывая из двери.

Инка вздрогнула.

– Кто? Я? Убираю. Иди сюда на минутку, Витя. Бабка Аришка не ушла?

– Нет.

– Видишь, много разных вещей у нас лишних накопилось, надо убрать. Ты тоже иди, разбери свои. Сложи на диван все необходимое, что нужно взять с собой, мы уезжаем завтра.

– Куда?

Инка неопределенно махнула рукой:

– Туда. Не говори никому,— и, подтолкнув его к двери, вошла в дом.

Бабка Аришка восседала во главе стола и сияла ярче, чем запывившийся самовар наверху буфета.

– Вот сегодня целый вечер, пока тебя не было, я и плакала, и плакала, и плакала, и плакала, а теперь веселюсь.

– Правильно,— кивнула Инка, моя руки.

– Вспоминала, сколько нас в деревне после войны жителей было. А почти сто человек! Стадо было — двадцать четыре коровы! Теперь ни одной. Все померли, и коровы, и люди... И мне пора.

– Рано тебе. Кто останется?

– А зачем оставаться?

– Ну как же, три семьи всего в деревне, остальные дачники. Ты погоди, пока десять-пятнадцать корни пустят.

– Откуда им взяться? — вздохнула бабка Аришка,— кого в наш лес загонишь?

– Придут из города. Ты их и встретишь здесь.

Бабка Аришка призадумалась, пошмыгала носом, поводила бесцветными бровками, и внезапно согласилась:

– Хорошо.

Витя принес из комнаты картину и, держа ее в руках, сказал:

– Все собрал. В рюкзак сложил.

Инка строго и недовольно посмотрела на сына.

– Дорисовал картинку-то? Дай-кось гляну. С собой заберешь или мне оставишь? — спросила бабка Аришка и протянула руку к картине.

– Мы не едем никуда,— сказала Инка.

– Понятно, понятно,— кивнула бабка,— не едете и хорошо. А едете — тоже неплохо.

– Я эту картину хочу в Москву послать, в Кремль, правительству,— сказал Витя.

– И тоже правильно,— одобрила бабка.— Я завтра поеду в город, найду на почту и отправлю. Пусть знают. Дело важное.

Инка взяла картину в руки, поставила на стол, взглядела и поблдедела:

– Боже мой... Витя... Разве можно это?

Она виновато перекрестилась на картину, будто извиняясь за сына.

– Я открыл черный квадрат,— сказал Витя устало.— Это было трудно.

Бабка Аришка вздохнула:

– Трудно... Еще бы!

Она по-хозяйски взяла с этажерки несколько газет, разложила их на столе и стала заворачивать картину. Упаковав ее как следует, села на стул, горько покачала головой:

– Да... Вот она — жисть... Короткая такая... Дом-то ваш — статный, знатный, что твой Кремль, добротный, из старых списанных шпал построен. А они пропитались мазутом так, что никакая гниль три века не возьмет. А то и четыре. Когда

• Продолжение на 11-й стр.

«ВСЁ ВПЕРЕДИ» С БЕЛОВЫМ

• Продолжение. Начало на 8–10-й стр. железнодорожную ветку разбирали, вся деревня шпалами этими отстроилась. А потом, когда немцев-то гнали, наши войска деревню и спалили. В доме у Степанихи немец раненый лежал, — доктор Алекс. Дядя Саша мы его звали. Когда наши пришли, он в подвал спрятался и отстреливался до последнего. Наши подумали, что во всех подвалах немцы сидят, вот и подожгли. Ай! Ну и горело! Ай-яй-яй! Что свечи, шпалы-то эти просмоленные... Ай! Да... Ну и горело!

Бабка рыдающе, рывками, тяжело выдохнула.

— Мы потом землянки в лесу рыли. А ваш дом остался, потому что выбрали его как самый большой для штаба. Штаб здесь был. А потом мы отстроили заново деревню. Уж не спрашивай, как. Горе одно. Мы с сыном моим Коленкой несем бревно, а он плачет: «Мамушка, встань ты под комель, а я под маковку, не могу больше, темно в глазах, помру, мамушка». Тринадцать годков, а комель на плече. Ростом вышел в батьку, выше меня. Если мне под комель встать, так и придавит бревно... Я ему говорю: «Терпи, сынок, ты мужчина, тебе не во вред, сильный будешь. А как я надорвусь да помру, так и вам всем не выжить». В землянке-то еще трое малых, да мать лежачая...

Вот так нам немец дорого обошелся. Врачом он был, хороший, внимательный. Меня от тифа вылечил. Всех лечил, и своих, и чужих. Нам бы прийти, да сказать нашим командирам, мол, лежит у Степанихи немец, помирает, пусть бы и разобрались с ним сами. А никто не пошел. Не смогли... Потом обгорелого похоронили за лесом. Ну, ты знаешь, где. К чему это я? Не знаю, к чему. Так чего-то вспомнила.

Вылечил нас всех доктор Алекс, мое-то лечение для войны не гоже... А дети звали его дядя Саша. Он им витамины давал. Всех жалко, и русских, и немцев. Ну да, что уж теперь.

Бабка Аришка встала, взяла картину под мышку.

— Пойду. Авось, увижу тебя еще, Витя. Картину эту, если на почте не примут в Кремль, то себе заберу и сохранию.

— Прощай, баб Ариш, — сказала Инка. Глаза ее были сухими, горячими и бесцветными, будто выгорел их цвет навсегда.

— Прощай и ты, Инна. Прости за все.

— И ты меня прости.

* * *

— Когда придут, ты из подвала через лаз вылезешь и мимо сараев, за баню и бегом в лес. Там жди меня на развилке. Сапоги отцовские обуй, а свои в рюкзак положи.

— Это чтобы оставить большие следы?

— На всякий случай. Еще придется тебе одеть девичью одежду. Вот — юбка, курточка, шапка с шишкой... К станции пойдем по темноте, но мало ли кто увидит.

— Потом в поезде я это все выкину, — сердито сказал Витя.

— Конечно, — успокоила его Инка.

Всю ночь они не спали. Прижавшись друг к другу, одетые, готовые, молчали, будто под окнами кто-то прятался и хотел их послушать.

— Поди, Пете-то нашему страшнее было, — прошептал Витя.

— Поди, страшней, — согласилась мать.

— Тогда что нам бояться? Не будем и мы бояться, мам.

— Не будем.

Тусклый мартовский рассвет, нерешительный, робкий, будто слепой и немой, осторожно заглянул в окна.

Звук приближающейся машины, как

рев немецких самолетов, заунывный, далекий, неизбежный, как смерть, Инка услышала еще во сне. Она резко открыла глаза и показалось ей вдруг, что вокруг дома стоят немецкие солдаты с автоматами и овчарками.

Она встала, позвала Витю, выглянула в окно. Милицейская машина приближалась к дому.

Инка открыла подвал:

— Сынок, полезай.

Она подала Вите рюкзак, сапоги, свою сумку, окинула взглядом стены дома.

— Когда крикну, беги сразу, не задерживайся, понял?

В окно грубо постучали, послышался лай нескольких собак.

Инка пошла в коридор, принесла картофельный мешок, высыпала на кровать из мешка крупные и мелкие человеческие кости, накрыла их сверху несколькими ватными одеялами.

— Прости меня, доктор Алекс. Сослужи службу глупой русской бабе. Помогите нам, дядя Саша.

Она обильно полила одеяла бензином из канистры, затем плеснула по стенам, по окнам, разлила бензин по полу в комнатах, на кухне, в коридоре и сбросила в подвал мужское зимнее пальто.

В окно и дверь барабанили.

Инка подбежала к окну на кухне:

— Подождите, Борис Иванович! Я одеваюсь!

Она побежала в спальню к шкафу, скинула с себя облитый бензином халат, надела серый костюм сына Пети, купленный ему на выпускной вечер, и снова выглянула в окно.

— Иду, иду!

Человек пять стояли вдоль веранды, как по команде повернув головы к окну. Никаких собак овчарок ни рядом с ними, ни возле машины не было.

Колхозных зарплат в деревне еле-еле хватало на самое необходимое. И самое главное — дядя и племянник не унижались до того, чтобы просить у своих жен деньги на лекарства, даже пенсии по инвалидности до последней копейки оба отдавали своим женщинам.

Стар и млад работали в единой связке: дядя Гриша собирал металлолом уже давно, а Димка присоединился к нему лишь пару лет назад, когда серьезно заболел. У старого крестьянина было больше опыта, у молодого — энергии. Дядя Гриша знал теперь уже мёртвые сёла еще в период их

В конце августа дядя Гриша и Димка сдали Анзур такую большую партию железа, что скупщик пожаловался, мол, «налички» с собой не хватает. Часть суммы он отдал, а часть — якобы не смог. Анзур пообещал, что съездит в город до банкромата и расплатится на следующий день: — Зуб даю, Гриша! Зуб! Когда я тебя обманывал? Обернись на раз-два! — клялся он с неподражаемым кавказским акцентом.

Но ни на раз, ни два не обернулся. Прошло лето, потом осень, а Анзур и след простыл. Дядя Гриша и Димка ругали его

Инка задернула шторку, подошла к лазу в подвал:

— Ты там?

— Да.

— Беги, сынок, как договорились, я следом.

С улицы кричал Борис Иванович:

— Открывай, Инна, не дури! Не сопротивляйся властям! Иначе придется ломать дверь! Инна!

— Сейчас, сейчас!

Инка вошла в зал, зажгла спичку и бросила ее на пол. Пламя побежало, как круги по воде — сразу во все стороны, схватив жадным, горячим ртом прошлое еще живого, но уже смертельно замеревшего дома.

— Кончилась твоя родина, Инка, — прошептала Инка и спрыгнула в подвал.

* * *

Поезд был проходящий, стоял только две минуты. Инка посадила Витю в вагон.

— Это Гомельской или Одесский? Или Великолукский? Это куда он идет, мам, на север или на юг? Ух ты, здорово: поезд! — радовался Витя.

— Тихо, тихо...

Инка натянула пониже на глаза мужскую кепку.

— Мам, глянь, спят все в вагоне, — шептал Витя. — Вот как им хорошо-то — тепленько, дружно. Хо-ро-шо тут, да, мам?

— Тише...

— Куда они все едут, мам? А мы куда едем? Где теперь наша родина?

— Я — твоя родина. А ты — моя. И они вот, — Инка кивнула на спящих людей, — тоже наша родина.

— А Борис Иванович? Он будет думать, что нас больше нет? Что мы сгорели вместе с домом?

— Да.

— Но мы же есть...

— Нас нет, Витя. Но мы — будем.

В ДЕРЕВНЕ их называли «железные люди»... Дядя Гриша и его племянник Димка собирали чёрный и цветной металл с ранней весны до поздней осени. Каждый день сразу после завтрака в любую погоду они отправлялись в «мёртвую зону» — в район заброшенных деревень. Там, на месте огромных поселений, теперь остались только поля и перелески, развалины изб, останки церквей, руины ферм, конюшен, тракторных мастерских, зерносушилок и складов. Подобно индейским городам в сердце Юкатана, цивилизация этих сёл канула в лету. Северные джунгли поглотили ее — ельник да ивняк, кипрей да крапива росли там, где когда-то жили тысячи крестьян.

Старый и молодой сборщики металла были похожи друг на друга не только по родственному. Измученный раком печени дядя Гриша и страдающий тем же заболеванием сорокалетний Димка — они оба словно нарастили металлическую чешую поверх желтоватой от болезни кожи. Их спецовки покрылись слоем ржавчины и пыли, и руки больше не отмывались от стальной грязи. Они научились не обращать внимания на боль, и возили с собой не только ломик и магнит, незаменимые орудия труда «металлистов», но и аптечку с лекарствами, сумку с едой, а также пустое ведро на тот случай, если в лесу удастся найти грибы или ягоды.

На рассвете сборщики металла выезжали из дому на «дринке», а к закату, вернувшись с «добычей», совершенно одинаково ворчали, понимая, что жаловаться никому, что опять на мотоблоке по дрянным дорогам растрясло все утро, и болит то там, то тут. Всякий раз родные дяде Грише и Димке предлагали не ездить больше на промысел, и всякий раз они оба хором отказывались.

— Не будем шевелиться, так хоть помирай! — отвечали они и грубо, по-крестьянски, добавляли: — Мужики мы или кто? Добытки или хренобитчики?

Вот за это их и прозвали «железные люди». Доходы «железных людей» и на самом деле стали хорошим подспорьем.

Наталья МЕЛЕХИНА
(г. Вологда)

ЖЕЛЕЗНЫЕ ЛЮДИ

расцвета, и потому безошибочно определял места, где под слоем земли или под гниющими костяками изб, можно найти железо. Но у него не всегда хватало сил выкорчевать свои находки из крепких тисков почвы, дикой травы и кустарника, не всегда получалось разобрать завалы. Димка местность знал гораздо хуже, но все же он был моложе и потому сильней. Он помогал дяде Грише, и ловко, несмотря на болезнь, орудовал ломиком, кувалдой, пилой, кусачками и пассатижами.

Зимой дядя с племянником свой промысел прекращали — «мёртвую зону» заносило снегом. Но Димка все равно ежедневно приходил к дяде Грише в гости выпить кофейку. От чая его почему-то мучила страшная изжога. Сборщики металла с ностальгией вспоминали летние трофеи, и ежедневно, на чём свет стоит, ругали скупщика железного лома таджика Анзура.

последними словами, а заодно и самих себя за постыдную для взрослых мужчин доверчивость.

— Встречу — рыло начищу! — обещал Димка.

— Надо бы его поучить! — поддерживал дядя Гриша.

— Это ж надо нам с тобой так лажаться, — сокрушался племянник.

— Как детей малых провёл, — кивал дядюшка.

И всякий раз итог этих бесед подводила тетка Таня, Гришина жена.

— Найдётся своя сказка на каждого дурака! — утешала она мужчин.

В один из таких дней дядя Гриша нежилась на печке, а Димка, сидя у шестка, прихлёбывал кофе из своей любимой жёлтой чашки с изображением Софийского собора в Вологде. Рядом хлопотала тетка Таня. Она готовила винегрет из сварен-

ных в чугушке овощей. Пахло свёклой, варёной картошкой, пирогами, печным духом.

День выдался по-северному тёмный, дул ветер и мела вьюга, вот-вот собирающаяся перерастить в настоящую снежную бурю. В такую погоду оба — и дядя Гриша, и Димка — чувствовали себя неважно, и потому больше обычного ворчали, вспоминали Анзура и проклинали его на все лады, выдумывая для обманщика страшные кары.

— Долго жить будет этот ваш Анзур! — вдруг сказала тетка Таня, глянув в окно.

За стеклом два желтых луча от фар вилкой проткнули ненастный сумрак. У дома остановилась раздолбанная «буханка» Анзура. Этот многострадальный автомобиль за весну и лето сосчитал все ухабы окрестного бездорожья, и казалось каким-то чудом, что он оставался на ходу еще и зимой. Он словно бы пропал в солнечном августе в никуда, как исчезают корабли в Бермудском треугольнике, а сейчас вдруг вынырнул в снежных океанах вологодского декабря.

— Ну, я щас вломлю! — вскочил Димка, с громким стуком поставил чашку на стол и с готовностью сжал большие, все еще в летней ржавчине, кулаки. Дядя Гриша поспешно сел на печку, свесив с лежанки ноги.

— Да неужто приехал?! — не поверил он.

Тут тетка Таня махнула на племянника красной рукой, измазанной в свёкле:

— Что ты, Димка, взбеленился? Ну-ка, ну-ка! Лишнего нам тут не надо! Дайте ему сначала в дом войти!

На этих словах, отряхавшись от снега, в избу ввалился маленький худенький Анзур. Он никогда не отличался крепостью телосложения, но теперь казался еще тощее и непригляднее, словно постарел с августа лет на десять. Анзур сдернул шапку с головы. Под ней давно не мытые чёрные, как смоль, волосёнки сбились в овечьи кудельки.

— Здорово, хозяева! Я долг привёз, — как-то тихо и не совсем внятно произнес он, будто во рту ему что-то мешало говорить.

• Окончание на 12-й стр.

АНТОЛОГИЯ ВОЛОГОДСКОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

Александр Васильевич Круглов родился 5 июня 1853 (по другим сведениям — 1852) года в Великом Устюге Вологодской губернии, в семье смотрителя училищ. Отец происходил по материнской линии из народности коми. Он умер вскоре после рождения сына. Семья обосновалась в Вологде в доме деда. Первые стихотворные опыты Круглова совпали с началом обучения в гимназии и сильно повредили учебе.

В печати Круглов дебютировал как прозаик — рассказом и несколькими корреспонденциями о вологодской жизни. Это произошло еще в бытность его гимназистом, в 1871 году, на страницах «Искры», «Недели» и «Русской летописи». Вскоре уже вся культурная Вологда знала о рождении нового литератора. Круглов нажил себе немало врагов, и дома отнеслись к его сочинительству неодобрительно. С трудом окончив гимназию, Круглов сразу же столкнулся с необходимостью зарабатывать на жизнь. Он стал посещать педагогические курсы, приготавливая себя к учительству, но вскоре оставил их. Нашлись знакомые, которые обещали место в Петербурге, в книжном магазине. В 1872 году двадцатилетним юношей Круглов впервые покинул родную Вологду. По дороге он едва не был убит грабителями и чуть не утонул. Эти испытания были, однако, напрасны: в обещанном месте ему отказали. Ничего не добившись и в редакциях, Круглов отправился на занятые деньги обратно. В этом году его можно было видеть в частных домах в качестве репетитора отстающих учеников, корректором в губернской типографии, чиновником особых поручений в Казенной палате. Осенью 1873 года Круглов вторично прибыл в столицу. В этот приезд он устроился в библиотеке при книжном магазине Черкасова; днем трудился в полуподвальном помещении, а ночами писал стихи и мелкие статейки для детских и педагогических изданий. Вскоре он уже мог существовать на литературные заработки, но болезнь близкого человека поглотила все его средства. Наступила нищета — жизнь в трущобах, обеды в рыночных народных столовых. Когда терпению наступил предел, Круглов обратился за помощью в Литературный фонд. Через несколько дней к нему приехал Некрасов. Круглов получил пособие. В это же памятное время произошла и встреча с Достоевским, которому начинающий беллетрист вручил пухлую рукопись своего первого романа. Сочинение было сурово раскритиковано, Достоевский советовал автору отказаться от жанра романа, пока не накопит необходимого жизненного опыта. В 1879 году в только что открытой «Русской речи» появились один за другим рассказы Круглова, изданные позже под названием «Живые души» (СПб., 1885). Толстой обратился в журнал с просьбой поддержать молодой талант. Одобрительный отзыв дал и Достоевский. С этого времени положение Круглова упрочилось. Он приобрел литературное имя. И тогда он покинул столицу. Годами жил в деревне, много путешествовал, много писал в различных жанрах и печатался почти во всех столичных журналах и газетах. Одна за другой начали выходить его книги. С 1907 по 1914 год Круглов издавал журнал «Свечок» и «Дневник писателя». Писатель скончался в разгар первой мировой войны, 9 октября 1915 года в Сергиевском посаде, близ Москвы.

А ИЗ РОЩИ, РОЩИ ТЕМНОЙ...

Солнце за лес закатилось,
Свежестью пахнуло;
В камышах, под лаской неба,
Озеро уснуло.

А из рощи, рощи темной
Песнь любви несется
И с какой-то болью тайной
В сердце отдается.

Будит эта песнь невольно
Светлое былое,
Молодым, горячим сердцем
Страстно прожитое.

Те же ночи... та же песня...
Тот же месяц светит...
Да по-старому на песню
Сердце не ответит.

Не течет река обратно,
Что прошло — не будет;
Только сердце дней минувших
Вечно не забудет.

А из рощи, рощи темной
Песнь любви несется,
И с какой-то болью тайной
В сердце отдается!

1873

СОРОК ЛЕТ

Сорок лет, как в путь я вышел
С крепкой верой в небеса...
Злобный крик и смех я слышал,—
Доносились голоса
Теплой ласки, нежной дружбы,
Правды искренней слова...
И за годы долгой службы
Поседела голова.

Бодрым духом, вольным сердцем,
Рабства я не признавал,
И с лукавым иноверцем
В договор я не вступал.
Я не струсил в непогоду,
Мысль свою не подчинил,
И для слова я свободу
Дорогой ценой купил.

Я борюсь, как мирный воин,
В меру сил моих служу,—
Перед злобою — спокоен,
В неудаче — не тужу.
Я не лгу, не лицемерю
Перед другом и врагом,
Я в победу правды верю,
В торжество добра над злом.

Сорок лет, как в путь я вышел,
Помню зори светлых дней,
И заветы, что я слышал
От умолкнувших вождей,
Для меня звучат и ныне
Повеленьем неземным,
И до смерти, как святыне,
Я останусь верен им.

1910

«ВСЁ ВПЕРЕДИ» С БЕЛОВЫМ

• Окончание. Начало на 11-й стр.

— Где ты был, чёрт старый?! — прямо с печки заорал на него дядя Гриша. Да неожиданно так властно, будто в рупор на параде! Сразу стало ясно, что те годы, которые дядя Гриша в молодости провёл, служа на флоте, не прошли даром. Анзур как-то странно дёрнул плечами и словно бы даже подпрыгнул на месте.

Тётка Таня от упоминания нечистого перекрестилась на образа в красном углу. Димка не ожидал от дядюшки столь яростного напора и разжал кулаки.

— Гриша, что ты, что ты... Не ругайся, Гриша,— зачастил Анзур.— Да, да! Шайтан меня попутал! Шайтан!

Тётка Таня снова перекрестилась. Анзур продолжил объясняться. По-русски он говорил бойко, только акцент выдавал его.

— Сдал я металл на «Северсталь». Так много-много денег получилось! Никогда столько не было. Сколько в России живу — ни разу! Ни на стройке столько не мог заработать, ни на заводе! Нигде! С семи деревень металл у меня был! Хотел уж вам с Димой остаток завезти, но потом так домой захотелось, Гриша! К себе на родину — в Таджикистан. Там мать с отцом у меня, понимаешь? Трое братьев там у меня, две сестры. Я здесь ведь женился, Гриша, у меня двое сыновей в Вологде, старшему восемь лет, а родители мои ни разу еще внуков не видели. Не выдержал. Денег как раз хватало на билеты на самолёт на всю семью, а обычно никак выкроить не могу... Ну, и... уехали мы, Гриша... вот.

Дядя Гриша от этой исповеди аж онемел, а Димка в полной тишине витиевато выругался длинными непечатными фразами.

— Анзур, ты что, одурел?! Ты на родину хотел? А я чё — не хотел?!

Анзур покраснел и намертво вцепился в шапку. Летом они обсуждали не только скачки цен на железный лом, но и стоимость авиаперелётов да рост тарифов на железной дороге. Дядя Гриша выручку собирался потратить на билеты в плацкарт. Он был родом с Кавказа. В далёком горном городке Хадыженске в годы вой-

ны познакомились Гришины родители: мать — наполовину персиянка, наполовину донская казачка, и отец — вологодский крестьянин, артиллерист, прошедший пекло боев за Туапсе.

До сих пор в Хадыженске жили Гришины сёстры и племянники, а на кладбище ждали родные могилы. Как магнит железо, с той же природной непреодолимой силой тянула дядю Гришу к себе вторая жаркая родина. К тому же он осознавал, что из-за болезни каждая такая поездка может стать последней в его жизни. Из-за невыплаченных Анзуром денег в этом году дядя Гриша в Хадыженск так и не собрался, а мечталось ему, что съездит, да не один! Внуков хотелось свезти, чтоб поклонились корням своего рода.

— Вломить ему, да и всё! — вынес вердикт Димка, вновь сжав ржавые кулаки.

И тут Анзур неожиданно заскулил и схватился за левую щёку. Из глаз у него вышибло слёзы.

— Ой, ой, ой... Больно-то как! Зуб у меня, зуб!

— А не хрен было этот зуб в залог отдавать! — припомнил дядя Гриша.— Бог-то все видит! Что наш Христос, что ваш Аллах!

Анзур достал из кармана потрепанной куртки целлофановый пакет, в котором бережно были упакованы деньги.

— Прости, Гриша! Прости, Дима! — протянул он деньги Димке.

Тот взял пакет и, демонстрируя полное недоверие, громко начал пересчитывать бумажки под легкое постанывание Анзура. У дядя Гриши от этих звуков и только что перенесенных переживаний заболело в животе. Кроме рака печени, его еще с голодной юности мучила язва желудка.

— Танька, дай мне «омезину» да запить! А дураку этому анальгина хоть выдай! — приказал хозяин дома.

— Не помогает анальгин, Гриша,— пожаловался Анзур.— Упаковку съел — не помогает!

— Так к зубному сходи, дурень! — презрительно бросил Димка.

— Не могу, Дима. Гражданства российского нет, полис не дают. И на платного врача — денег сейчас нет. Зима! Лом не сдает никто,— развел руками Анзур.

— Будешь так дела вести, тебе и летом лом не сдадут,— буркнул дядя Гриша.

— Да мы-то уж точно больше не сдадим,— хмыкнул Димка.

— Всё в «буханке» своей телепаешься по такой погоде! Ещё бы зуб не болел! До костей ведь, наверно, продуло,— Татьяна подала мужу капсулу «омеза», а Анзур все же протянула таблетку анальгина. Он взял и пожаловался:

— Таня, неделю спать не могу. И дыры в зубе нет, а кажется, будто вся челюсть болит. И есть не могу,— чуть не плача, пожаловался скупщик.

— Как исть, когда зуб ноет! — покачала головой тетка Таня.— У меня, у маленькой, помню, до того зубы болели! А зубных врачей в деревне тогда и в помине не было. Бывало, заберусь на печку, лягу щекой на кирпичи, плачу! До того наплачусь, что так и засну. А как проснусь — легчает!

Она с ног до головы окинула взглядом Анзура и по-матерински вздохнула:

— Да уж! Исхудал, тошета! Лет-то тебе сколько?

— Тридцать семь.

— Сколько?! — ахнули разом и Димка, и дядя Гриша.

— А выглядишь старше меня,— с сомнением и легким торжеством произнес Димон.

— Так это... работал много. Дворником был, на стройке работал, на подшипниковом в Вологде работал... Теперь вот лом скупаю. Бизнес у меня.

— Пустил бы ты, Гриша, этого бизнесмена на печь погреться,— попросила вдруг тетка Таня.— Глядишь, зуб-то бы прошёл у него.

— Да шас! — фыркнул дядя Гриша.— Гланды мёдом ему не намазать? У меня у самого печень с утра разрывается, только печным теплом и лечусь.

И хозяин дома велел Анзурю:

— Скидывай свои боты, да за спину ко мне на печь полезай греться.

— Зуб пройдет? — неуверенно переступил с ноги на ногу скупщик и с опаской посмотрел на Димку.

— Хрен его знает,— пожал плечами Димон, решив, что вопрос был адресован к нему.— Но хуже так точно не будет.

А то дык давай во двор выйдем — в раз выщелкну! Надо бы тебе вломить-то, как следует!

После этих слов Анзур поспешно сбросил куртку, стащил ботинки и пошлёпал к печке, шмыгая носом. Он залез к стене за спину дяди Гриши и там растянулся на ветхой дырявой фуфайке, которая служила подстилкой поверх горячих кирпичей. Дядя Гриша продолжал ворчать и припоминал уже не только долг, но и другие промахи. Например, как спорил Анзур о весе последней партии черного металла, как не хотел повышать цену на алюминий, как пытался забрать за бесценно пакет медной проволоки...

Анзур слушал старого человека молча, смиренно. Ноющий зуб сначала задёргал еще сильнее, нестерпимо, чуть не до крика, но следом за пиком боли накрыла всё тело теплая, блаженная волна, глаза сомкнулись сами собой, и скупщик провалился в сон впервые за всю неделю.

Проснулся он под вечер, и зубы уже не болели, но желудок свело от голода после недели вынужденного поста. Тетка Таня накормила Анзура супом из печки да напоила чаем с пирогами. Димка к этому времени ушел домой, и скупщик чувствовал себя гораздо спокойней в его отсутствие. Да и дядя Гриша больше не ругался и расспрашивал Анзура, почему зимой в Вологде черный да цветной металл, есть ли такие мужики в окрестных деревнях, что сохранили железный лом до декабря, чтобы сдать его по более высоким «зимним ценам».

Отужинав, Анзур отправился обратно в Вологду. Он вышел из Гришиной избы к своей «буханке». Метель кончилась, и малосенная Паутинка с ее четырьмя жильными домами утопала в сугробах, будто в снежной купели.

Выяснило, и купол огромного звездного неба стыл над деревней в строгом молчании. Со всех сторон наступала на Паутинку армия еловых лесов. Анзур оглянулся на Гришин дом. Изба бороздила океаны вологодского снега подобно ковчегу Нуха, которого здесь называли Ноем. Ласково светились огни окон, и, пока никто не видел, Анзур невольно поклонился этому свету до самой земли.

ПОЭЗИЯ. XXI ВЕК

* * *

С горы зеленой, двухолмистой,
Навстречу запада лучу,
Крылатым велосипедистом —
Горбатым демоном лечу.
Продлись, продлись, очарованье
Предсонных, медленных минут,
Пока вечерний черный ангел
Не перегородил мой путь,
Пока так солнечно желтеют
Обочных кладбищ сосняки,
И вдоль болот всё горше тлеют
С лиловым запахом цветки;
Пока люблю зеленый вечер,
Педаля прошлого пустырь,
И на плече моем кузнечик,
Забыв о времени, застыл.

* * *

У меня для тебя — ничевым-ничего:
Все, что было, уже разокрали, —
Не робей: я ни телом уже, ни челом
Не похожа на прежнюю кралю.

У меня — ни вина, ни коня, ни огня —
Ничего, что согреет помимо.
...Это правда, что ты покидаешь меня —
Трезвый, пеший и неопалимый?

У меня для тебя — только серьги звенят
Среди ночи, холодной и белой.
...Это правда, что ты покидаешь меня,
Потому что, живую себя хороня,
Я тебе, я тебе так велела?

* * *

В пору осеннего кипрея
Шиповник поздний теребя,
Я знаю: светит, но не греет
Сухое солнце сентября, —

Уже с совиным веком око
Октябрь покатым приоткрыл,
И ветром снежным пахнет около
Его окрепших белых крыл, —

И скоро иней торопливый
Очистит лес для ноября, —
Спалит и скудную крапиву,
И папоротников бурьян...

Но все же, в зарослях кипрея,
Оплавав летние сады,
Я снова чую прель апреля,
Как пес — звериные следы.

* * *

Я — боевой подсолнух,
Желтая голова.
Я обрастаю сонных,
Понизу мне трава.
Я обижаю белых
Наглою желтизной,
Темной пылью спелой,
Благоуханьем в зной!
Белые: вот и нам бы
Дурую экой — вверх...
Родный мой топинамбур!
Мы с тобой — против всех!..

* * *

Вода — зеленая слюда:
Остановилась.
На мокром плесе — ни следа:
Мне лето — снилось. —
Мне снилось долго, все одно:
Как я не знала,
Кому в открытое окно
Слова бросала,
Кого, как летняя вода,
Согреть струилась...

...На мокром плесе — ни следа:
Мне лето — снилось.
Мои купальные деньки
Ушли, не спорю... —
Мои гадальные венки —
В холодном море.
Я песню старую сейчас
Припоминаю,
Ловлю мелодию, и фраз
Фасон меняю...
Но вот опять не та строка:
Длинней? Короче?
Как в русло старое — река —
Идти не хочет,
Как в русло старое —
В замедленное сердце —
Текут прохладные слова...
...и не согреться.

* * *

За несколько часов
Я разучилась говорить.
Слетели тысячу слов
Твои слова в леса мои.

Инга ЧУРБАНОВА

Безмерным светом, белым цветом...

Они охотились, крича,
На все сомнения и «но».
Добыча билась, горяча,
Пьяня, как старое вино.
Потом осели в волосах.
Мигали, зелено смотря,
И отражалась в их глазах
Юго-восточная заря.
И совы слепли от зари,
Теряли смысл твои слова,
И ты уже не говорил,
И ты почти не целовал.
Мне было нужно сторожить
Свой светлый лес от этих сов, —
Я разучилась дальше жить
За эти несколько часов.

* * *

С глазами цвета речного дна
Зелено-песчаного,
Я стала не то чтобы
холодна,
Я стала печальнее:

Холодное небо в реке лежит,
Неярко начертано,
Холодное лето рекою бежит,
И все его черпают.
И лоси приходят на водопой
И смотрят, сонные,
В студеном глазах моих
непокой,
Песком занесенный весь.

И рыбы — глазами моими глядят,
И губ их пугаются...
...А по небу птицы на юг летят
И не возвращаются.

* * *

Такое пространство —
и некому жить!
Ни жить, ни гостить,
ни просить о постое...

Пустая дорога,
а вдоль — камыши
Стоят головастым
Нахрапистым строем.
Пустая дорога,
а подле — парад:
В безлюдье июльском,
прекрасном и диком,
Шиповник означился,
сам себе рад,
Сама себе рада,
темнеет черника.
Пустая дорога
бежит на восток,
Сама себе рада
родившимся утром. —
Спешит убежать
от безлюдья пустот,
Где тайные радости
бродят, как зубры.
Опять той дорогой
я буду петлять, —
По ней —
без парада, догляда, доклада —
Я буду ходить
и цветы обонять,
Сама себе рада...

МАЙ

...Уехать в мае —
и жить, и жить!
Покуда влага
в ручье бежит.
Покуда ветер
Не снег несет,
Покуда пчелы
На службе сот,
Все травы в силе,
Нежна пыльца,
И луг весь синий,
В колокольцах!
Покуда злакам
Спеть налегке,
Пока собакам
Тепло в реке,
Покуда мама,
И малый сын,
И европейский
Не встал гольфстрим,
Пока деревья
Во всей красе,
Махнуть в деревню —
И бог со всем!
... Потом заглохнет рябин краса,
Потом отсохнет моя коса,
Гольфстрим остынет, придет зима...
Нет, надо ехать. Покуда май!

* * *

Когда в урочище комарном
Холодный ландыш забелеет,
Когда шиповник светло-алый
Пучину зелени прорвёт,
Когда весенние помарки
Замоем летним водолеем,
И дней безночных бег усталый
Утишит солнца поворот,
Придет возвышенное лето.
И, вспоминая зимний праздник,
Ударит в окна жарким ветром,
Морозным запахом цветов,
И декабря сухая лепта
В июньских трав разнообразье
Безмерным светом, белым цветом,
Холодным ландышем взойдет.

...Не упрекай меня за холод.
Я в декабре — в морозном инье:
Лыжня, каток, лежанка, прорубь,
Собаки мерзнут, кошки спят...
И новым годом мир расколот.
И Рождеством привязан к жизни,
И скоро, как озябший голубь,
Твою ладонь начну искать...

ОБ АВТОРСКИХ ПРАВАХ ПИСАТЕЛЕЙ

В современной России существует система, с помощью которой иностранцы незаконно забрали, а говоря проще — присвоили себе исключительные авторские права русских писателей и пользуются их текстами, как своей личной собственностью, извлекая коммерческую выгоду. Авторского вознаграждения за свои произведения писатели не получают.

ЧЕМ БЫЛ НЕДОВОЛЕН А.С. ПУШКИН

Начать разговор об этой уродливой системе, успешно делающей «бизнес на писателях» России, хочу издали. Обратимся к Александру Сергеевичу Пушкину. В его литературной публицистике есть небольшая заметка «О публикации Бестужева-Рюмина в «Северной Звезде», написанная, очевидно, летом 1829 года, которую Пушкин по каким-то соображениям так и не напечатал.

«Возвратясь из путешествия, узнал я, что г. Бестужев, пользуясь моим отсутствием, напечатал несколько моих стихотворений в своём альманахе, — писал великий поэт. — Неуважение к литературной собственности сделалось у нас так обыкновенно, что поступок г-на Бестужева нисколько не показался мне странным. Так, г-н Федоров напечатал под моим именем однажды какую-то идилическую нелепость, сочинённую, вероятно, камердинером г-на Панаева. Но когда альманах нечаянно попался мне в руки и когда в предисловии прочёл я нежное изъявление благодарности издателя г-ну Ап, доставившему ему (г. Бестужеву) пьесы, из коих 5 и удостоились печати, — то признаюсь удивление мое было чрезвычайное.

В числе пьес, доставленных г-ном Ап, некоторые принадлежали мне в самом деле; другие мне вовсе неизвестны. Г-н Ап собрал давно написанные и мною к печати не предназначенные стихотворения и снисходительно заменил своими стихами те, кои не могли быть пропущены цензурою. Однако, как в мои лета и в моем положении неприятно отвечать за свои прежние и за чужие произведения, то честь имею объявить г-ну Ап, что при первом же таковом случае принужден буду прибегнуть к покровительству законов».

Мы не знаем, был ли «первый таковой же случай», но об этой конкретной ситуации известно следующее. М.А. Бестужев-Рюмин, неприязненно относившийся к кругу литераторов, близких Пушкину, в своём альманахе в июле 1829 года напечатал 7 стихотворений за подписью «Ап», из них 6 стихов принадлежали Пушкину, а седьмое — Петру Вяземскому.

Редактор «Северной звезды» сделал это без всякого разрешения Александра Сергеевича. Не удивительно, что поэт с горечью воскликнул «о неуважении к литературной собственности».

Спустя четыре года после этого случая, Александр Сергеевич, вероятно, озабоченный всё той же проблемой, в своих черновиках набросал «ПЛАН СТАТЬИ О ПРАВАХ ПИСАТЕЛЯ» (1833–1834 гг.).

Уместно перечислить план, чтобы понять, что волновало А.С. Пушкина: «О литературной собственности».

О правах издателя, писателя, анонима, наследника.

О цензуре вообще о подразделении о книгах общедоступных и дешёвых исторических — дорожных чисто ученых огромных.

О журналах общих, ученых. О классических книгах (в том числе сочинения, принадлежащие роду человеческого).

О цензуре земской и духовной. О коштунстве и веротерпимости. О нравственности.

О сочинителях, не подлежащих суду.» Такая вот — обширная тематически статья, должна была выйти из-под пера Пушкина, но, увы, вскоре смерть оборвала жизнь поэта.

С той поры прошло 183 года! Многое изменилось в мире, да и в самой России. У нас только общественный строй переделывали 3 раза и ввергали народ в пу-

чину 5 революций! Лишь неизменным во все эпохи оставалось желание некоторых людей, подобных Бестужеву-Рюмину, попользоваться чужой литературной или интеллектуальной собственностью.

Увы, не перевелись они и в наши дни. Начало XXI-го века даёт тому множество подтверждений в самых разных сферах интеллектуальной деятельности.

УДАР ПО СЛОВУ

Остановлюсь только на одной из них — литературной. В своё время в СССР существовала уникальная система распространения книжной и журнально-газетной продукции, такой системы не было ни в одной стране мира. Подчеркну — ни в одной! Автор, издавший книгу, скажем, в Хабаровске или Владивостоке, через две-три недели уже мог быть прочитан в Пскове или Смоленске. В свою очередь литературные произведения из Центральной России быстро попадали в книжные магазины Урала, Сибири, Дальнего Востока и, конечно, союзных республик — в Прибалтику, Среднюю Азию, на Кавказ.

Эта система надёжно связывала, скрепляла жившие в СССР народы, помогала их взаимному культурному и духовно-нравственному обогащению. Не секрет, что многие национальные писатели обрели читателя и известность, благодаря системе, а также переводам на русский язык, не только в СССР, но и за рубежом; к примеру, дагестанский поэт Расул Гам-

то выпустил первую тоненькую книжечку стихов, чуть ли не в десятом классе средней школы, в Калининском книжном издательстве. Если бы не было этого областного издательства, то никакой первой книги у Дементьева не было бы. Потом Калининское книжное издательство ликвидировали.

В наши дни начинающему автору, не имеющему денег, издать свою первую книгу практически невозможно. Так, талантливый поэт Владимир Анфимов из города Кадникова около 5 лет (!) искал спонсоров, которые помогли всё же выпустить первую книгу. Причём это были, подчеркну особо — государственные издательства. Уровень отбора и работы с рукописями там держали довольно высокий. И вот все такие издательства ликвидировали. Русская культура понесла огромные потери.

В Москве на текущий момент, по моим сведениям, которые, может, и не совсем точные, осталось только два государственных издательства — «Художественная литература» и «Детская литература», которые владят жалкое существование.

Разнообразное и немалое имущество государственных издательства — здания, склады, оборудование, запасы бумаги и полиграфических материалов — растащили, по выражению нашего знаменитого писателя Василия Шукшина, «энергичные люди». Взамен господдержки на писателей обрушилась эпоха «чубайсо-гайда-

Но ведь это интересно не только тверякам! А где и как приобрести уже вышедшие книги? Нигде! Кроме, разумеется, самой Твери. Или вот в Вологде литературную премию имени Николая Рубцова «Звезда полей», тогда ещё не отменённую местным правительством, присудили поэту из Иркутска. А где взять его сборник? Или из Вологды ехать в Иркутск?

Вот мы и пришли к «разбитому корыту»: системы книгораспространения в Российской Федерации нет. Здесь уместно добавить: некоторые смелые люди из писательского сообщества в Москве всё-таки «прорвались» на самый верх и передали руководителям страны соображения по поводу восстановления системы распространения книг. К соображениям они приложили ещё расчёты: через полгода восстановленная система окупит затраты, необходимые на начальном этапе, а после она начнёт приносить и столь вождя для либералов прибыль.

Но, как это у нас принято и изящно отработано (в отличие от «проклятого тоталитаризма»), наверху от инициативы снизу просто отмахнулись, как от назойливой мухи. Ишь, чего захотели!

«ЭНЕРГИЧНЫЕ» ИНОСТРАНЦЫ

Известно: «свято место» не бывает пусто. Вскоре в Москве, возможно, по «благословлению сверху», зарегистрировали ООО «Интернет Решения» (24.09.2002) — «собственность иностранных юридических лиц», с классификацией — «хозяйственные общества и товарищества с участием иностранных юридических лиц и (или) физических лиц, а также лиц без гражданства». Оказывается, в столице «лица без гражданства» вполне легально занимаются коммерцией с разрешения государственного учреждения «Московская регистрационная палата».

«Розничная торговля книгами» — главный вид деятельности ООО «Интернет Решения». Не буду живописать, как коммерсанты «в поте лица» создавали базу в Москве и Твери, открывали пункты выдачи заказов на территории РФ, а также за рубежом — в Германии, на Украине, в Казахстане и других странах. Торговля книгами велась и продолжается через Интернет-магазин «OZON.RU», принадлежащий ООО «Интернет Решения», и многочисленные «партнёрские» сайты в России и за её пределами. Ограничусь лишь констатацией официальной информации.

«Да, мы с удовольствием рассказываем об уникальном опыте интернет-магазина Ozon.ru, флагмана электронной коммерции на постсоветском пространстве. Это самый крупный интернет-магазин России, среднегодовой оборот которого составляет порядка 110 миллионов долларов», — охотно раздавала интервью телекамерам француженка Маэль Гавэ, назначенная в апреле 2011 года генеральным директором ООО «Интернет Решения».

Гавэ окончила университет в Сорбоне, получила степень бакалавра по финансам и бизнесу в Институте политологии в Париже, и там же, в Париже, закончила Высшую нормальную школу, то есть, имеет три высших образования. В чём же «уникальность опыта»?

На Западе опыт, как известно, измеряют деньгами, и только деньгами и ещё раз деньгами. Западный стандарт! Так вот, за период, когда Гавэ была руководителем, выручка компании «Интернет Решения» выросла в 2,5 раза и составила в 2014 году 11,8 миллиарда рублей. Кроме того, француженка добилась вложения в фирму иностранных инвестиций в размере 250 миллионов долларов.

Можно было бы только радоваться деятельности такой успешной дамы, тем более что в товарообороте свыше 30 процентов занимает продажа книг, если бы не одно «маленькое но».

С приходом Маэль Гавэ, а может, и раньше, в ООО «Интернет Решения» утвердилась антизаконная практика. Книги русских писателей выставляли на продажу на рекламной странице сайта «Ozon.ru», а также его партнёрских сайтах, но об этом не ставили в известность автора, не заключали с ним договор.

• Окончание на 15-й стр.

Геннадий САЗОНОВ

ВОТ ТАК ГАВЭ!

об «успешной даме» из Парижа и авторских правах писателей

затов или киргизский прозаик Чингиз Айтматов.

К тому же она, эта система, опиралась на многочисленные региональные и центральные издательства, фактически была главным, заключительным звеном между писателем и читателем.

В «лихие 90-е», как принято теперь именовать «царствование Ельцина», призванные им в Кремль советники из США, в основном, сотрудники ЦРУ, разумеется, не могли смириться с существованием уникальной системы распространения книг. И они выдали «всенародно избранному» мудрейший совет — уничтожить её. Со всего размаху по ней нанесли убийственный удар.

Помните, «лучшие люди» публично кричали и требовали от правителя — «раздавить гадину!». Под «гадиной», то есть змеей, они разумели русскую культуру, а систему распространения книг — как часть культуры.

И систему книгораспространения быстро уничтожили! Каким образом?

Прекратили финансирование. Всячески! Выражаясь по-народному, «перекрыли кислород». «Вы не угодны ЦРУ — зачем вам платить?» — так можно обозначить отношение властей в Российской Федерации к книгоизданию в целом.

Умерли, в первую очередь, региональные книжные издательства, имевшие славные традиции. Так, в Архангельске действовало Северо-Западное книжное издательство, его заслуги перед русской культурой, вне сомнения, огромны. Оно издавало авторов Мурманской, Вологодской, Архангельской областей, республик Карелии и Коми, а также признанных писателей из других городов.

В Ярославле успешно работало Верхне-Волжское книжное издательство, печатали авторов из Ивановской, Костромской, Ярославской, Владимирской областей. Свои издательства существовали практически во всех крупных городах — Хабаровске, Перми, Новосибирске, Челябинске, Уфе, Воронеже и т.д. К слову, прежде советский поэт, а ныне популярный израильский еврейский поэт Андрей Дементьев, ведущий радиопередачу «Виражи времени» на «Радио России», когда-

ровщины», которая фактически отменила интеллектуальный труд в сфере культуры, низвала его до положения «труда рабов».

Помню, как-то я зашёл в гости к Василию Ивановичу Белову. Известный писатель в нашем разговоре пожаловался, что никак не может издать книгу публицистики, где он давал свою, порой нелицеприятную, оценку событиям, происходящим в России и в мире.

— Какие же препятствия? — спросил я у Василия Ивановича.

— С меня требуют деньги! — по-детски наивно изумился писатель. — Чепуха какая-то! Где я их возьму?

— Да, теперь так, — подтвердил я. — Хочешь книгу — плати. И кому? Вон у нас, знаете, кто вершит дела!

Василий Иванович помрачнел.

— Вот, хоть убейте меня, а я никак не пойму: почему я, писатель, затративший огромный труд, должен кому-то платить, а не мне платить за мой труд, — продолжал Василий Белов. — Как хотите, но я этого не понимаю!

Не только великий писатель, но и любой нормальный гражданин понять такое не может. Кроме, конечно, крайних либералов, взявших Россию «в личную собственность». Для них уничтожение национальной культуры — норма жизни.

Но отыскались милосердные люди, стали поддерживать авторов, и книги продолжали выходить в свет, только уже «частным порядком». Причём, не только в Москве, но и в регионах. И если сложить всё, что издаётся в регионах, то это будет больше, чем в Москве. В общем, наглядный пример про Ваньку-Встаньку! Уронили, грохнули, а он опять поднялся!

Спецам из ЦРУ не удалось на 100 процентов «раздавить гадину». Но за ними числился «большой плюс» — уничтожение системы распространения книг. «Пусть туземцы тешатся, издают себя в регионах, — очевидно, рассуждали в ЦРУ, — варятся в собственном соку, квакают в своём болоте».

И варилась и варятся, и квакали и квакают. В Твери, скажем, возникла замечательная идея: издать библиотечку, связанную с пребыванием великого А.С. Пушкина в Верхневолжском краю.

• Окончание. Начало на 14-й стр.

Ситуация напоминает ту, с которой я начал этот разговор: Бестужев-Рюмин взял стихи Пушкина, не поставив его в известность. То был факт публикации произведения без согласия автора, а здесь уже иное, более серьёзное: берётся книга писателя и продаётся по коммерческой цене без всякого разрешения со стороны писателя.

Это грубейшее нарушение закона, в частности, целого ряда статей IV части Гражданского Кодекса, где идёт речь об авторском праве.

Под «маховик» «уникального» интернет-магазина попали и известные вологодские писатели – прозаик Роберт Балакшин, поэт Юрий Максин, прозаик Александр Цыганов и ещё некоторые.

«Энергичные» иностранцы продают, к примеру, поэтические сборники Юрия Максина «Который час сегодня на Земле?» и «Навеки твой...», повесть Роберта Балакшина «И в жизнь вечную...», изданную Сретенским монастырем, прозу Александра Цыганова.

Я спросил Роберта Балакшина, ветерана Вологодской писательской организации, заключал ли ООО «Интернет Решения» с ним договор об использовании его произведения.

– Никакого договора никто со мной не заключал, – ответил прозаик. – Я особо не интересуюсь Интернетом, впервые слышу, что продают мои книги. Жулики – чего про них скажешь!

Из московских авторов, которых «приватизировал» «ozon», можно назвать известного поэта и прозаика Ивана Переверзина с его замечательной книгой «Цветы любви», а также ветерана публицистики Владимира Бушина с его новой книгой «Цирк Владимира Путина». Кстати, книга Ивана Переверзина продаётся по 544 рубля за экземпляр.

И мою объёмную книгу «Аршином общим не измерить...» (18 авторских листов, два фотоблока – 117 фотографий), посвящённую великому русскому меценату Христофору Леденцову (первая книга о нём в России), изданную в 2011 году, друзья обнаружили во «владениях» «лучшего менеджера Московской области» – французки М. Гавэ.

Замечу: над книгой я работал 12 лет. А сколько дней потребовалось М. Гавэ, чтобы взять мою книгу в «своё производство» – не знаю, но, думаю, что немного.

Открыв сайт ведущей российской интернет-торговли, я был потрясён тем, что там написано. Оказывается, «Среди литературных новинок из раздела Книги особой популярностью у читателей пользуется книга «Аршином общим не измерить...». А я и не знал про «популярность»!

Как оказалось, «Данное произведение входит в книжную серию, которую можно купить в интернет-магазине OZON. Так же вы можете найти данную книгу в поиске, указав номер её ISBN или название на английском языке».

Кто издаёт «книжную серию»? И почему я, автор, не знаю о ней? В рекламе на сайте про то ничего не сказано.

Оказывается, великий интернет-магазин рекомендует покупателям «обратить внимание на переплёт изделия, т.к. имеется как мягкий, так и твердый вариант. Перед покупкой вы можете посмотреть фотографию обложки, а также прочитать несколько страниц книги «Аршином общим не измерить...». Повесть о великом русском меценате Христофоре Леденцове».

Вот так: моя книга стала уже «изделием»! Я издавал её в твердом переплете (7 бц), а французка М. Гавэ предлагает на продажу, кроме твердого, «мягкий вариант». Откуда она его взяла? Кто издал заново мою книгу и по какому праву? Об этом «Ozon» благополучно умолчал.

На «партнёрских сайтах» уже предлагали: «Все издания книги «Аршином общим не измерить...», неизменно подчёркивали их наличие на складе и особо выделяли собственника(!): «Продавец: OZON.RU».

Этот самый «собственник» впечатывал крупными буквами на английском языке свой торговый логотип на обложку моей книги – под фотографией Софийского собора в Вологде, изменял обложку, изменял текст аннотации – словом, вёл себя так, как подобает собственнику – де-

лал с моей книгой всё, что хотел. На украинском партнёрском сайте в Киеве «TopBooks» менеджер просил покупателя уточнить не только тип переплёта, но уже и «язык издания», то есть, очевидно, книга переведена на другие языки. На сайте «Ozon.ru» в Казахстане про книгу «Аршином общим не измерить...» указано: «Товар обладает высоким качеством и фирменной гарантией от производителя». Какого производителя? Колхозного быка-производителя, что ли!.. Указана и цена – 2300 тенге! На московских сайтах цена – 414 рублей.

Это в 2 раза дороже себестоимости моей книги, изданной в 2011 году.

Навар, что ни говорите, существенный с учетом большого количества пунктов реализации в России и за рубежом. На одной книге можно сделать изрядную прибыль. На казахстанском сайте стоит «маркировка»: «ID OZON - 22429301». Иными словами, Издательский Дом ОЗОН, он-то, очевидно, и издаёт всё. А особый, зловещий цинизм заключался в следующем: «Вся текстовая информация и графические изображения, находящиеся на сайте «ozon.ru» являются собственностью ООО «Интернет Решения» или его поставщиков. При использовании документов и связанных с ними графических изображений, расположенных на сайте, необходимо соблюдать следующие требования: указывать, что авторские права принадлежат ООО «Интернет Решения». Вот так: ни больше, ни меньше – присвоили себе авторские права русских писателей. Иначе говоря, ни обложка моей книги, ни текст из аннотации, ни сама книга как таковая не являются моей собственностью, а принадлежат ООО «Интернет Решения». Вот как! Без суда и следствия прибрали, похоже, по одному желанию госпожи М. Гавэ.

...Уместен здесь эпизод из моей книги, которую присвоила московская компания. К Христофору Семёновичу Леденцову, когда тот жил уже в Москве и собирался создавать своё знаменитое Общество, пришёл в гости выдающийся физик, профессор Московского Университета Николай Алексеевич Умов. Рассказывая о своей жизни Леденцову, профессор привёл такой эпизод: «В Германии я был в 1875 году и показал свою работу тамошнему физико Кирхгофу, он лестно о ней отозвался. И что далее? Узнаю потом, тот самый Кирхгоф опубликовал в ежемесячнике Берлинской Академии мою работу, но в своём изложении и от своего личного имени. Каков ученый? Я пришёл в негодование! Такого не дала даже в Одессе...».

У европейцев, как видим, в крови «страсть» – воровать у русских идеи, разработки, конкретные результаты интеллектуальной деятельности. Так было, так и продолжается. Возмущенный не менее уважаемого профессора, я попытался связаться с М. Гавэ, выяснить ситуацию, и, по возможности, разрешить её «мирным путём». Дозвониться в Москву до ООО «Интернет Решения» удалось с большим трудом; объяснил, что я автор книги, которую продают в интернет-магазине.

– Мы не соединяем с Гавэ, – сказала сотрудница «Интернет Решения».

– Почему?

– Не соединяем, и всё!

Ещё бы! Разве может «выдающийся менеджер» из Парижа снизойти до писателя из какой-то там Вологды?.. По терминологии главного фашиста А. Гитлера мы относимся ... к «недочеловекам». Зачем с нами разговаривать?

– Откуда вы взяли мою книгу и почему её продаёте без моего согласия? – спросил я сотрудницу.

– Не знаю, – был ответ.

Связаться с юридической службой ООО «Интернет Решения» тоже не удалось.

КАК ПОНЯТИЯ ПОДМЕНЯЮТ

Подобное вряд ли могло бы случиться в Советском Союзе. Всё же к людям тогда относились с уважением, а не как к «туземцам второго сорта». Можно было обратиться к самым высшим чинам и получить исчерпывающий ответ, но теперь такое кажется «недостижимой мечтой». Никаких ходоков, в отличие от

В.И. Ленина, к нынешнему президенту и его окружению не подпускают даже на тысячи километров.

Поэтому «успешная мадам» из Парижа – не единственная в своём роде. Что остаётся? Суд! Тот самый суд, который в РФ при Ельцине был организован по указке из Вашингтона и не имел ничего общего с русскими национальными традициями правосудия, которые старше американских на 800 лет. Тот самый суд, что завален сверх головы делами, потому что чиновники по своему обычаю не решают вопросов, а всех отправляют в суд.

26 декабря 2014 года я обратился в Вологодский городской суд с иском о защите авторского права в связи с противозаконными действиями ООО «Интернет Решения». 96 дней (!) потребовалось федеральному судье М.В. Зайцевой, чтобы... отклонить рассмотрение иска и передать дело по подсудности в Савёловский суд г. Москвы. Срок – потрясающий!

Вот вам и пресловутые «права человека» в России! Невольно вспомнил я своего земляка, замечательного поэта Владимира Соколова:

Я устал от двадцатого века,
От его окровавленных чел, —
Не нужны мне права человека,
Я давно уже не человек!

В чём причина такой волокиты? Ответчик находится в столице. Но Зайцева – федеральный судья! Или обозначение «федеральный» имеет смысл для зарплаты и для пенсии? Почему она не может рассмотреть дело? Тогда обозначьте не «федеральный», а иначе – «судья для жителей улицы Гоголя и ул. Герцена в г. Вологде». Это будет соответствовать истине. А так мы имеем дело с подменной понятием – самым распространённым в современной России «идеологическим оружием против народа».

Если автор живёт во Владивостоке, а нарушитель его авторского права в Москве? Тогда автору надо ехать оттуда в столицу? Получается, что так. Таков якобы закон. Что же это за закон, если он благоволит нарушителю, но действует против того, кому нанесён ущерб?

Была всякая причина рассматривать иск в Вологде: моему адвокату Валерию Оличеву сделали операцию, и ему врачи запретили выезжать за пределы города. Но суд не взял во внимание столь серьёзный довод, и отказал в рассмотрении иска по месту жительства, то есть удовлетворил ходатайство представителя ООО «Интернет Решения».

– Считаю, что ты пролетел! – прокомментировал ситуацию мой знакомый в Москве.

– Почему? – удивился я.

– В Москве всё пропало, – пояснил он. – Поверь, я-то знаю, как тут проходят суды. В Москве правят бал деньги, а не законы.

Но я ему, конечно, не поверил, категорически с ним не согласился. Всё-таки, как бы там ни было, в душе каждый нормальный человек всегда имеет хоть маленькую надежду «найти правду в Москве».

Ещё раньше стало известно: М. Гавэ ушла с поста генерального директора «OZONA» («Интернет Решения») и покинула Российскую Федерацию. Причины её ухода не знаю, но в след «успешной даме» полетели от потребителей характеристики: «мошенничество, обман, воровство, угон...». А один из них предостерегал всех жителей России от «товарно-денежных отношений с «Ozon.ru – ООО «Интернет Решения», после того, как получил не тот товар, который заказывал, но вернуть деньги ему отказались. «Расставаться с нечестно заработанными деньгами французская гражданка Мазель Мари Гавэ не собирается. Очевидно, папа и мама не сказали ей, что воровать нехорошо...», – возмущался покупатель. Место французки занял Д. Перекальски из Израиля.

17 июня 2015 года состоялось заседание суда по моему иску. Федеральный судья Б.А. Удов опоздал к началу заседания... на 2 часа. Он даже не извинился перед участниками процесса. Так принято в Москве, такова «судейская культура»!

Поскольку правовое регулирование в

сети Интернет осуществляет «Роскомнадзор» РФ, то суды обязаны «принимать ксерокопии страниц сайтов в качестве вещественных доказательств без заверений нотариуса». Я представил в суд около 40 ксерокопий о «деятельности» ООО «Интернет Решения», все они по существу – коммерческие предложения с указанием цены от 414 рублей до 342 рублей за экземпляр книги «Аршином общим не измерить...».

Суд отверг, то есть не стал рассматривать ни одно из представленных доказательств, кроме той ксерокопии, на которой ответчик почему-то не указал цену книги. Именно ссылку на данную страницу суд и положил в основу своего решения: мол, никакой торговли ООО «Интернет Решения» не ведёт.

Потрясающе просто! А где все остальные представленные вещественные доказательства? Их для суда «не было»! Не менее удивительно и другое. Никакого исследования доводов сторон суд не проводил.

Суд даже не поинтересовался (хотя бы для отвода глаз!), с какой целью и для чего ответчик на своём сайте «отображает графическое изображение лицевой стороны обложки книги»? Ведь я как автор не просил об этом ООО «Интернет Решения» и его генерального директора М. Гавэ.

В ходе заседания Савеловский суд очень умело, с высочайшим профессиональным мастерством подменял одно понятие другим, а потом на основе этой подмены вынес своё решение – отказать в иске.

В частности, коммерческую торговлю моей книгой со стороны «Интернет Решения» суд почему-то везде называл *распространением*. Иными словами, выдавал «черное» за «белое».

Мой представитель, доктор юридических наук В.С. Лесков, в ходе заседания сказал: «Ответчик не удосужился даже заключить договор с истцом. ООО «Интернет Решения» не заключает договоры с авторами художественных произведений, что является грубым нарушением закона. Считаю необходимым, чтобы суд истребовал у ответчика сведения о количестве проданных книг. Автор через «Ozon.ru» книгу «Аршином общим не измерить...» не реализовывал...».

Суд имеет право сделать такой запрос о проданных книгах? Да, имеет!

Очевидно, и нужно было подготовить такой запрос, чтобы разобраться в существе иска. Но суд не стал этого делать. Какова причина? Предполагаю, Савеловский районный суд г. Москвы заранее знал, что интернет-магазин эту книгу «не продавал». Зачем тогда и запрашивать?!

Заседание в Мосгорсуде, состоявшееся 30 октября, ещё быстрее, чем в райсуде, рассматривало апелляционную жалобу на решение Савеловского суда – 8–10 минут. Мне даже не дали изложить доводы, оборвали: «Достаточно, суду всё ясно!» Ну, ясно, так ясно!

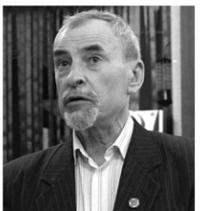
Решение Мосгорсудом также было принято в пользу великого, выдающегося интернет-магазина современной России, под руководством не менее выдающихся иностранных граждан. Иностранцам у нас повсюду дорога – чего же хотеть!..

Уже после заседания в суде, «окрылённое успехом», ООО «Интернет Решения» усилило свою деятельность на книжном рынке. В продаже появилась моя военная книга «Ярче легенды», посвящённая 70-летию Победы, с ценой, которую ей назначил уже новый генеральный директор, а сборники вологжанина Юрия Максина энергичные иностранцы выставили уже в обложке, то есть – в мягком переплете, хотя автор издавал обе книги в твердом переплёте. Им всё можно!

Я разворачиваю газету со статьями IV части Гражданского Кодекса РФ – об авторских правах, о правах на интеллектуальную деятельность и прочее.

Хорошо написаны статьи, красиво звучат. На практике, в нашем случае – это пустышки, никому не нужные. От наглого и грубого произвола они, увы, не защищают русских писателей.

Вологда – Москва,
июнь – ноябрь 2015 г.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Сергей ЧУХИН

Чухин Сергей Валентинович (1945–1985) родился в дер. Бабцино Вологодского района Вологодской области в семье сельских учителей. По окончании Погореловской средней школы Сергей Чухин учился в Вологодском пединституте, а в 1965 году поступил на вновь открывшееся очное отделение Литературного института им. Горького. Пять лет занимался в семинаре С.В. Смирнова. После окончания института С.В. Чухин три года работал корреспондентом районной газеты в г. Грязовце. С 1973 года переехал в Вологду, был сотрудником областной газеты «Вологодский комсомолец». Редактором первой поэтической книжки С. Чухина был великий русский поэт Н.М. Рубцов. Затем у Сергея Чухина вышел ряд поэтических изданий, как в «Молодой гвардии», так и в Северо-Западном книжном издательстве. Поэтическое творчество С.В. Чухин считал главным делом своей жизни,

был совершенно чужд конъюнктуре и каждой строкой своей отстаивал право писать «не левее сердца», что в те годы было непросто. Удивительная мягкость и сердечность его стихов, доверительная форма лирического общения с читателем создали неповторимую чухинскую интонацию, и нашли многочисленных верных поклонников творчества этого замечательного русского лирика не только на родной Вологодчине, но и в России.

ЖИЗНИ ТАЮЩАЯ РЕКА...

Без заботы жилось, без печали,
Все безоблачно было в судьбе.
Нам другие порою прощали
То, чего не прощали себе:
И забытое слово привета,
И забытую скорбную дверь,
Письма срочные без ответа...
А теперь, а теперь, а теперь
Что за голову браться руками,
Все не выправишь наверняка...
Обнажает подводные камни
Жизни тающая река.

До свиданья, родная сторонка!
Чемоданчик в руке и билет.
Откровенно, слезами ребенка,
Мне заплакала девушка вслед.
Отвалил пароходишко ветхий
От знакомых домов и берез,
И, веселый, по палубе верхней,
Я шатался, не слишком тверез.
И поехала жизнь, завертелась!
Чемоданчик потерялся, ну что ж...
Не скрываю, порою хотелось,
Чтобы времечко, глупое сплошь,
Воротилось!.. Но разве вернется!
А не верить нельзя — потому,
Может, счастье тебе улыбнется,
Да и сам улыбнешься ему.
Так прости же, родная сторонка!
Лишь одно не отмолятся, нет,
Как открыто, слезами ребенка,
Мне заплакала девушка вслед.

И хотел бы в деревню родную,
Да пустили её на распыл.
И хотел бы запеть удалую,
Да старинный мотив позабыл.
Голо всё, словно после набега
Золотой зачумлённой орды.
Лишь былинка торчит из-под снега
Там, где прежде стояли сады.
Только ветер гуляет над полем,
Закатившийся в наши края.
Он, конечно, судьбою доволен,
Бездомовный, как, впрочем, и я.
Мне бы тоже за ветром умчаться,
Бросить эти края — и умчать!
Чем былинкой над снегом качаться,
Чем пеньком на дороге торчать.
Только сердце навеки пристыло

К той земле, что магниту сродни,
Где и летом нечасто гостило
Красно солнце в холодные дни,
Где теперь заметает дороги —
Скоро будет совсем не пройти! —
И откуда застывшие ноги
Всё не могут меня унести...

Друзей потянет кочевать,
А ты у осени попросишь
Бумаги лист, оконца просишь
И деревянную кровать.

Листва засыплет водоем,
Придет спокойная погода.
Пройдет скрипучая подвода —
И день потянется за днем.

Настроив душу на добро,
На чистоту лесной бересты,
Понять природу так же просто,
Как птице обронить перо...

Ах, как ласточки реяли в выси!
Нежным сеном тянуло с полей.
И слетались вечерние мысли
На огонь сигаретки моей.
Шли подводы деревнею грузно,
За подводами шли мужики.
Нам для горести многое нужно,
А для счастья совсем пустяки:
Только б ласточек в выси
Да эту
Вечеревшую благодать,
Да еще докурить сигарету
И заснуть...
И проснуться опять.

Колокольчики, ромашки, дикий клевер
луговой —
Все скосили, просушили и поставили
в стога.
У кузнечика хромого с треугольной
ногой
Не шумит над головою разноцветная
тайга.
Подкосили наше лето, ах, под самый
корешок,
Покатилось красно солнышко,
позолотило рожь...

И ночами выстывают в речке камень
да песок...
Что, кузнечик, что ты плачешь?
Плачем лета не вернешь.
Посажу тебя, пожалуй, не в карман,
а в коробок,
Поживи на теплой печке, духом яблок
подыши.
Тихой радостью осенней запастись
надо впрок,
Свежим сеном и листвою устилая
дно души.
Тучи толстые нахлынут, и, когда
посыплет снег,
И когда не остановишь ни на чем
усталых глаз,
Ты напомнишь мне, кузнечик,
мой зеленый человечек,
Тишь, луга, ржаное поле... Это будет
в самый раз.
Поплотней прикроем двери да растопим
нашу печь —
И погреемся немного у веселого огня.
Ах, кузнечик, я не в силах это лето
уберечь.
Как товарищ по несчастью понимаешь
ты меня!

Ах, опять на равнинах безбрежных,
Посмотри, как пошли и пошли
Пузырьки одуванчиков нежных
Из глубин изумрудной земли.
И затейливой северных кружев,
И причудливой сказки иной
Золотистым узором калужниц
Оторочены речки весной.
На полянке, средь птичьего крика,
Не научена счастье скрывать,
Пятикрыло цветет земляника
И готовится ягодой стать.
Разве хватит обычного сердца,
Чтобы выдержать ласковый взгляд?
Голубыми глазами младенца
Нам вослед незабудки глядят.
И султанами пышно качая
На густом предосеннем ветру,
Зоревые цветы иван-чая
Подожгли на осинах листву.
Это все нам не даром дается:
И луга, и святые цветы...
Это все, что в России зовется
Человеческим счастьем!
И ты
Поброди по лугам и полянам,
Полежи у земли на груди,
И не тешишь обычным обманом,
Будто лучший твой день впереди.
Может, жизненный путь завершая
(Хоть и долгих желаю годков),
Не захочешь ни ада, ни рая,
А холщовых
Во ржи
Васильков.

Любовь к Руси необъяснима.
И в этом смысл, и в этом страсть!
Зачем тревожная осина
На горькой глине привилась?

Зачем из африканской дали,
Из той загадочной земли
Опять сюда прикочевали
Седые наши журавли?

Зачем багровые закаты
Среди вечерней немоты
Здесь так упорно, как солдаты,
Не покидают высоты?

Зачем на краткие недели,
А не на долгие года.
Покинув родины пределы,
Мы вновь торопимся сюда?

И, где бы мы ни колесили,
Я знаю: будут до конца
На трепет горькой той осины
Ответно трепетать сердца.

На улице,
Наверно, застывает.
Ночь ветрена,
Морозна и ясна.
И засыпает,
Тихо засыпает
Усталая от разных дел
Жена.
Во сне
Пусть от нее отступят страхи
За мир и лад,
За близких и родных...
Горят в печи, потрескивая, плахи,
А у трубы, наверно, жмутся птахи.
Мне так бы всех
Согреть хотелось их!
То слышу я гудки далеких станций,
То слышу я голодной птицы крик,
То слышу я шум ветра меж акаций...
Бессонной ночи
Жалобный язык!
И вдруг меня сомнение охватит,
И я встаю в волненье,—
Как же быть...
Чтоб целый мир согреть,
Души не хватит,
А между тем
Ее должно хватить.

Работай, друг мой,
Душою чист, один проходи науку.
По праву руку —
Бумаги лист,
И сердце —
По леву руку.
Но легче будет писать
Вдвоём
Если,
Навек условясь,
Рядом с тобою —
Поводырём
Незамутнённая
Совесть.
А трудно станет
В пургу и свист,
Поделят поровну
Муку:
По праву руку —
Бумаги лист
И сердце —
По леву руку.

И снова праздник наш печален,
Да и нельзя наоборот:
Ведь мы не новый год встречаем,
А провожаем старый год.
Ах, были шутки легкокрылы!
Но годы вороном летят,
И множат близкие могилы,
И чую, новые сулят.
А нас и так осталось мало...
Да что тут сетовать на жизнь!
Как говорил Рубцов, бывало,
Коли поехал, так держись!
Нам время строгое не в диво,
Намяло шею и бока.
Оно, конечно, справедливо,
Коль время мерить на века.
Но и при шуме ветра злого,
Когда и тяжело, и темно,
Пиши, мой друг, как будто слово
Тебе
Последнее
Дано.